

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Веселов А. П.* Из истории кафедр общественных наук ЛЭТИ в предвоенные и военные годы 3
- Узлова И. В.* Государственная Дума 1994–1995 гг. Первые шаги: амнистия 7

ПСИХОЛОГИЯ

- Броневицкий Г. Г.* Душа моряка. Психологический аспект 13

СОЦИОЛОГИЯ

- Денисов А. И., Бравицкий А. А.* Особенности управления современными системами госслужбы 22
- Ильин А. В.* Телеработники – социально-демографический портрет .. 27
- Лиходей О. А., Крылова Н. В.* Концептуальные модели организации помощи бездомным 32
- Раковский И. В., Денисов А. И.* Оптимизация муниципальных структур управления по критерию уменьшения возможностей для коррупции 37

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Бабаева А. В.* Семиотика повседневности 43
- Картошкина С. В.* Имидж в контексте социальной среды 48
- Кудрявцева М. Е.* Эстетический анализ литературно-художественного текста или субъективный взгляд на некоторые произведения В. Пелевина 52
- Сотикова Т. А.* Социальные практики явления сказки (идеальные типы на микросоциальном уровне) 59

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Журавлёва Ю. В.* Обучение эмоционально-оценочной лексике неродного языка в целях совершенствования межкультурной коммуникации 67
- Лаенко Л. В.* Восприятие как составляющая процесса коммуникации 70
- Преображенская О. А.* Региональный компонент как основа построения курса "Лингвистический анализ города" 75
- Тонкова М. М.* Отражение в художественном тексте гендерных стереотипов невербальной коммуникации 78
- Шумков А. А.* Влияние концентрации внешнего пространства на главную глагольную единицу 82
- Яковлев Б. Н.* Инверсия немецкого термина-композиита 85

Редакционная коллегия:

О. Ю. Маркова
(главный редактор),
Н. К. Гигаури
(ответственная за выпуск),
В. В. Калашников,
С. Л. Бурлакова,
О. А. Преображенская,
А. В. Ранчин,
Е. В. Строецкая

Редактор *И. Г. Скачек*
Комп. верстка *Е. Н. Паздникова*

Подписано в печать 31.03.05 г.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать: ризограф.
Печ. л. 11,0.
Тираж 100 экз. Заказ 20.

Издательство
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 5

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2005

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ЛЭТИ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Посвящена истории кафедр общественных наук ЛЭТИ в предвоенные и военные годы.

ЛЭТИ, кафедра общественных наук, предвоенные годы, военные годы, история

Переживаемый нами 2005 г. является юбилейным для целого ряда знаменательных исторических событий. Так, в январе отмечается столетие со дня начала Первой русской революции. Революционный вал, охвативший Россию в 1905 г., всколыхнул все слои русского общества. Среди активных действующих сил революции были вузовская интеллигенция и студенчество. В первых рядах борцов за демократические права находился и наш Электротехнический институт. Именно в 1905 г., в результате завоеванной автономии высшей школы, в ЭТИ первым выборным директором стал крупнейший ученый, изобретатель радио А. С. Попов. В мае текущего года наш университет отмечает 110-летие первой беспроводной радиопередачи, осуществленной А. С. Поповым.

Вторым эпохальным событием, отмечаемым ныне всем миром, является 60-летие Победы над германским фашизмом. Решающий вклад в эту Победу внес советский народ, проявив высочайший патриотизм в борьбе с сильнейшим противником. Преподаватели, сотрудники и студенты Ленинградского электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина) также достойно проявили себя в годы тяжелейших испытаний.

Подготовка к подобным юбилеям всегда оживляет работу историков, которые обращаются не только к масштабным эпохальным событиям. Важной частью этой работы является создание своего рода «микроистории», в том числе и истории трудовых коллективов. Именно этой задаче посвящена настоящая статья, темой которой является история кафедр общественных наук ЛЭТИ в предвоенные и военные годы.

Общественные науки преподавались в ЭТУ–ЛЭТИ всегда, однако специальная кафедра появились лишь в 1931 г. Она была создана во исполнение решения правительства СССР, озабоченного качественной подготовкой инженерных кадров в период масштабной индустриализации и реконструкции народного хозяйства [1].

Кафедра объединяла преподавание истории, философии и социологии и называлась кафедрой диамата и ленинизма. Первым руководителем кафедры стал 27-летний доцент Иван Зиновьевич Чижов. В архиве института о нем сохранилось мало сведений: рождения 1904 г., из семьи рабочего, получил высшее философское образование [2]. Из этих данных видно, что паренек из рабочей семьи смог закончить вуз и стать молодым ученым.

С 1937 по 1940 гг. кафедрой заведовал профессор С. М. Розин. В архивах сохранились тексты некоторых его выступлений на ученом совете, в частности о критике и самокритике,

которой в 30-е гг. придавалось особое значение. На одном из ученых советов он говорил: «Самокритика у нас не в почете. Я не скажу, что она зажимается, но чувствуется покой и беспечность. Нет страстности в обсуждении принципиальных вопросов. Если мы не будем выявлять наши недостатки, мы будем торчать на месте. Движение вперед требует выявления просчетов, обнаружения недостатков, их преодоления. Критика может задевать отдельных личностей, отдельных товарищей, они могут чувствовать себя неловко. Но в интересах дела она совершенно необходима» [3, л. 67, 70].

В связи с выходом в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» кафедра диамата и ленинизма была реорганизована в кафедру марксизма и ленинизма. Учебный план преобразованной кафедры в какой-то мере отражал структуру «Краткого курса». В результате, преподавание диамата сократилось из-за расширения разделов социологического и политэкономического характера, а также изучения истории революционного движения в России начала XX в. Организуя учебный процесс, кафедра предложила студентам изучать определенный раздел «Краткого курса ВКП(б)» и произведения классиков марксизма к нему. По окончании изучения заданного раздела проводился семинар и студент получал зачет.

Накануне Великой Отечественной войны кафедра приняла активное участие в соцсоревновании, которое охватило все факультеты, кафедры и студенческие группы ЛЭТИ.

Одной из важных задач соревнования являлся подъем успеваемости. Все кафедры ревниво следили за тем, чтобы этот подъем не сопровождался снижением требовательности преподавателей при выставлении оценок. Поэтому искали разные формы работы с отстающими студентами и т. п. Коллектив кафедры общественных наук решил усилить контроль за самостоятельной работой студентов, которые стали периодически группами встречаться с преподавателями и отчитываться о проделанной работе.

Поскольку все кафедры вуза пошли по этому пути, постольку вскоре встала проблема перегрузки студентов домашними заданиями. Эта проблема нашла свое отражение в выступлении С. В. Розина на ученом совете ЛЭТИ 14 сентября 1939 г. В частности, он говорил: «Кафедры мало внимания уделяют организации самостоятельной работы студентов... Это общая болезнь не только нашего вуза. Мы не планируем в масштабе института самостоятельную работу студента, не задумываемся над вопросом: а каким объемом времени располагает студент? Ведь перезагрузка его по одному предмету отражается на качестве его самостоятельной работы по другому предмету. Я считаю, что больше 9–10 часов в день студенту нельзя работать. Если 6 часов он работает в аудиториях, значит, может располагать лишь 3, 4 часами домашней работы. Я думаю, что нужно создать серьезную комиссию, которая проанализировала бы этот вопрос по отдельным кафедрам, заслушала заведующих о том, какой объем литературы они рекомендуют студентам. Нам следует продумать, какой учебный материал можно уменьшать, чтобы качество самостоятельной работы улучшить. Без разумной организации самостоятельной работы студентов мы не повысим качества учебы».

Следует отметить, что соцсоревнование дало свои результаты. В 1938–1939 гг. во многих группах число отличников возросло на 50 %, а процент неудовлетворительных оценок уменьшился почти в 3 раза [3, л. 6].

Выступая 2 декабря 1939 г. на ученом совете с докладом, профессор С. М. Розин осветил основные направления деятельности кафедры за прошедший год. В частности, он говорил о том, что в связи с введением курса основ марксизма-ленинизма и недостатком лекторов-историков большое внимание уделялось практической подготовке к чтению лекций молодых преподавателей.

На кафедре был создан методкабинет, который обладал определенной материальной базой: студентам стали выдавать в кабинете книги и программы, были оборудованы четыре выставки по различным темам курса. Кабинет организовал экскурсии в музеи Ленина и Октябрьской революции. Были показаны кинофильмы «Ленин в Октябре», «18-й год», «Выборгская сторона». Все это существенно помогло усвоению учебного курса.

В порядке повышения своей квалификации преподаватели кафедры изучали иностранные языки: раз в неделю занимались на кафедре иностранных языков. Была поставлена также задача получить представление о других научных дисциплинах, читаемых в вузе. С этой целью кафедра химии провела ряд занятий с преподавателями-обществоведами.

Кафедра проводила большую агитационно-пропагандистскую работу в районе: три преподавателя, являясь членами районного лекторского бюро, систематически выступали с лекциями и докладами на предприятиях и в других организациях района.

С началом Великой Отечественной войны многие студенты и преподаватели ЛЭТИ ушли на фронт. Уже в первые дни войны в институте прошли митинги, в ходе которых добровольцами на фронт выразили желание выступить все комсомольцы института, из них 90 процентов влились в армию народного ополчения [4, с. 74].

Военную форму надели и многие преподаватели, в том числе обществоведы. Об одном из них, доценте кафедры марксизма-ленинизма Николае Васильевиче Скворцове хочется рассказать подробно. По воспоминаниям современников, он был одаренным, незаурядным человеком, прошедшим яркий жизненный путь. Балтийский моряк в Первой мировой войне, в 1917 г. – член Кронштадтского Комитета революционных моряков.

В 20-е гг. Скворцов, окончив Военно-политическую академию, вел политическую работу на флоте, а в 1930 г. стал руководителем цикла социально-экономических дисциплин в военно-морском училище им. М. В. Фрунзе. С 1936 г. Н. В. Скворцов работал в ЛЭТИ, читал лекции по ленинизму, истории партии, организации производства. По воспоминаниям воспитанников ЛЭТИ, он был прекрасным лектором, строгим, но справедливым экзаменатором. Студенты любили слушать его лекции, дискутировали с ним на семинарах, обращались за помощью по самым разным вопросам.

Когда над страной нависла фашистская угроза, доцент Н. В. Скворцов добровольно ушел на фронт. Он стал комиссаром полка, в котором было немало его бывших студентов.

В августе-сентябре 1941 г. в боях под Петергофом и Урицком Николай Васильевич личным примером воодушевлял воинов полка, отражавших атаки фашистов, которые пытались штурмом взять Ленинград. Немцам не удалось устроить в сентябре 1941 г. банкет победителей в «Астории». И большая заслуга в срыве планов врага принадлежит всем героическим защитникам города, в том числе студентам и преподавателям ЛЭТИ.

В октябре–ноябре 1941 г. полк комиссара Скворцова вел тяжелые оборонительные бои под Тихвином. После одной из боевых операций Н. В. Скворцов из боя не вернулся. Вот так вспоминает о своем комиссаре его бывший ученик политрук Л. Степанов: «5 ноября наш комиссар пошел в разведку на поиски командира полка, связь с которым прервалась. Николай Васильевич уходил в ночь туда, где шел бой с танками врага, туда, где с нашими бойцами не было связи». Н. В. Скворцов не вернулся – он погиб в бою с врагом [5, с. 70–71].

Профессор Розин с началом войны стал работать в Политуправлении Краснознаменного Балтийского флота. Здесь его сослуживцами были известные писатели Всеволод Вишневский, Александр Крон, Всеволод Азаров. В стенах ЛЭТИ, где находилось Политуправление флота, были написаны многие публицистические и художественные произведения, воззвания, поднимавшие боевой дух защитников города.

В военные годы кафедру марксизма-ленинизма возглавлял кандидат философских наук Виктор Михайлович Барашенков (с октября 1940 г.). Холод, голод, занятия в условиях вражеских артобстрелов и бомбежек – все это испытал в годы блокады Виктор Михайлович вместе с коллективом кафедры.

После ухода значительной части студентов в действующую армию кафедра не прекращала занятий с оставшимися в институте студентами, в основном девушками, до февраля 1942 г. Занятия проходили в подвале институтского здания, они велись по вечерам четыре раза в неделю по 4 часа, особое внимание при изучении учебного курса уделялось военной тематике. Несмотря на обстрелы, не было ни одного случая срыва занятий.

13 марта 1942 г. основной коллектив института был эвакуирован. С марта 1942 г. по сентябрь 1943 г. учебных занятий в блокадных условиях не проводилось. Оставшаяся небольшая группа преподавателей кафедры работала и выступала с патриотическими лекциями в воинских частях, госпиталях и на предприятиях.

В октябре 1943 г. возобновились вечерние занятия на 1, 2, 3-м курсах. В этом же году В. М. Барашенков был награжден боевой медалью «За оборону Ленинграда». Вместе с ним медалями «За оборону Ленинграда» были отмечены и преподаватели-женщины – Анна Александровна Семенова, Бася Ефимовна Гофман.

С весны 1944 г. после полной ликвидации блокады города открылось и дневное отделение института. Учебный процесс на кафедре вошел в нормальную колею.

Ко Дню Победы кафедра подошла с хорошо налаженным учебным процессом, выполняя большой объем учебной, воспитательной и пропагандистской работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив ЛЭТИ. Приказы по общему делопроизводству. Приказ № 84 от 24 августа 1931 г. об образовании кафедры диамата и ленинизма.
2. Архив ЛЭТИ. Выписки из приказов. Л. 32.
3. ЦГА СПб. Ф. 3295, оп. 3, ед. хр. 9.
4. 100 лет ЛЭТИ. Л.: Лениздат, 1985.
5. Смоллов В. Лэтийцы в боях за Родину. Л.: Лениздат, 1996.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА 1994—1995 гг. ПЕРВЫЕ ШАГИ: АМНИСТИЯ

Проанализированы постановления Государственной Думы ФС РФ об амнистии, принятые в феврале 1994 г.

Государственная Дума, постановления, амнистия, меморандум от 23 февраля 1994 г.

12 декабря 1993 г. одновременно с принятием Конституции России состоялись выборы в новый орган государственной власти – Государственную Думу Федерального Собрания РФ. В соответствии с Конституцией Государственная Дума наделена правами, которые позволяют ей не только осуществлять законодательную функцию, но и играть важную роль в общественно-политической жизни нашей страны.

Нижняя палата Парламента сразу воспользовалась своими правами. Одним из первых документов общественно-политического характера стал Меморандум о согласии, принятый 23 февраля 1994 г. [1]. Для достижения согласия предлагался комплекс соответствующих мер.

Одной из важнейших таких мер являлась амнистия. В этой связи в Меморандуме говорилось: «Составной частью достижения гражданами России общенационального согласия могла бы стать амнистия ряда лиц, находящихся под следствием или содержащихся под стражей в связи с событиями 19–21 августа 1991 года, 1 мая 1993 года, 21 сентября – 4 октября 1993 года, а также амнистия ряда лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за преступления в сфере экономики» [1].

Важно подчеркнуть, что Дума в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции обладает правом самостоятельно объявлять амнистию [2]. И это право не опосредовано участием других органов государственной власти, в том числе и Президента РФ.

Идея о проведении амнистии была немедленно реализована и при этом получила более широкое наполнение, чем указывалось в Меморандуме.

23 февраля 1994 г. Дума приняла целый пакет документов об амнистии:

– постановление «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» [3] (№ 63-1 ГД);

– постановление «О порядке применения постановления "Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации"» [4] (№ 64-1 ГД);

– постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии» [5] (№ 65-1 ГД).

25 марта 1994 г. Дума вновь возвращается к вопросам амнистии и принимает еще одно постановление – «О некоторых вопросах применения постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации" и "Об объявлении политической и экономической амнистии"» (№ 76-ГД) [3].

Сам факт столь быстрого принятия указанных постановлений говорит о том, что они готовились заранее. Рассмотрим эти документы.

Интересно отметить, что **первое постановление (№ 63-1 ГД)** непосредственно не касалось амнистии лиц, круг которых был очерчен в Меморандуме о согласии. В соответствии с постановлением № 63-1 ГД освобождению от уголовного наказания в виде лишения свободы, а также от наказаний, не связанных с лишением свободы, подлежали следующие лица:

а) осужденные, проходившие службу в составе действующих армий и соединений либо принимавшие участие в боевых действиях по защите Родины, а также в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС;

б) женщины;

в) мужчины старше 60 лет;

г) инвалиды первой и второй групп [3].

На основании п. 2 постановления от наказания были освобождены также лица, осужденные к лишению свободы на срок до пяти лет включительно, при условии, что они совершили преступление по неосторожности и отбыли не менее одной трети назначенного срока наказания.

Лица, осужденные за совершение умышленных преступлений, подлежали освобождению от наказания, если назначенный им срок лишения свободы не превышал трех лет включительно и они также отбыли не менее одной трети назначенного срока наказания.

Освобождению также подлежали несовершеннолетние лица мужского пола, т. е. родившиеся после 1 января 1976 г. [4].

От наказания были освобождены условно осужденные лица, а также осужденные к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора, а также осужденные к иным наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Кроме того, подлежали прекращению производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о преступлениях, совершенных до вступления постановления в силу:

а) лицами, перечисленными в п. 1 и не подпадающими под действие п. 8 постановления (п. 8 постановления № 63-1 ГД будет рассмотрен отдельно);

б) лицами, совершившими преступления, за которые предусмотрены наказания, не связанные с лишением свободы;

в) несовершеннолетними мужского пола, совершившими преступления, за которые предусмотрены наказания не свыше трех лет лишения свободы, ранее не отбывавшими наказания в воспитательно-трудовых колониях.

Дополнительной мерой стало сокращение неотбытого срока наказания наполовину лицам, которые не подпадали под действие п. 1–3 постановления № 63-1 ГД, также лицам, совершившим неосторожные преступления и осужденным к лишению свободы на срок свыше 5 лет.

Лицам, совершившим умышленные преступления, не подпадающим под действие п. 1, 3 и 5 постановления, срок наказания сокращался на одну треть. Лицам, осужденным за совершение умышленных преступлений на срок свыше пяти лет, – на одну четверть [1].

Таким образом, постановление «Об объявлении амнистии в связи с принятием новой Конституции Российской Федерации» распространяло свое действие на довольно широкий круг лиц, поскольку не содержало указаний на конкретные статьи УК РСФСР, по которым эти лица были осуждены либо подлежали осуждению. В то же время эта амнистия прежде всего касалась лиц, не представлявших особую опасность для общества. Под данное постановление об амнистии не попадали те, кто был привлечен к уголовной ответственности за измену Родине, террористические акты, грабеж, убийство, изнасилование, незаконный оборот наркотических средств, за преступления против правосудия и другие преступления, указанные в п. 8 постановления [2].

Особо следует отметить, что под амнистию по постановлению № 63-1 ГД не попадали также лица, совершившие преступления, связанные с хищением государственной собственности и квалифицируемые ч. 3 ст. 92; ч. 2, 3 ст. 93; ст. 93.1 УК РСФСР.

Круг лиц, очерченный в Меморандуме о согласии, был амнистирован **постановлением № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии».** Пункт 1 указанного постановления предусматривал прекращение всех дел, находящихся в производстве следователей, и дел, не рассмотренных судами, в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности:

а) по событиям 19–21 августа 1991 г., связанным с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности;

б) по факту столкновения демонстрантов и работников органов внутренних дел 1 мая 1993 года в г. Москве;

в) за участие в событиях 21 сентября – 4 октября 1993 года в г. Москве, связанных с изданием Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», и противодействие его реализации, независимо от квалификации действий по статьям Уголовного кодекса РСФСР [1].

Эта акция имела принципиальное значение: были прекращены все уголовные дела в отношении всех лиц, принимавших непосредственное участие в этих событиях и совершивших преступления в ходе их. Не подлежали прекращению уголовные дела только в отношении лиц, которые во время указанных событий совершили уголовно наказуемые деяния, непосредственно с этими событиями не связанные [2].

Пункт 2 постановления предусматривал освобождение от наказания лиц, уже осужденных за совершение преступлений в период участия в указанных событиях. Важнейшее значение имел тот факт, что п. 1 и 2 постановления вступали в силу немедленно [3].

Безусловно, эта акция Думы имела сугубо политический характер и была направлена на стабилизацию политической ситуации в стране. Поэтому посредством амнистии депутаты сделали первый шаг в сторону компромисса между различными политическими силами. Были амнистированы все лица, вне зависимости не только от квалификации действий по статьям Уголовного кодекса, но и от того, **на стороне каких политических сил они принимали участие** в событиях августа 1991 г., мая и осени 1993 г.

Установление согласия было бы невозможным, если бы амнистия касалась только лиц, участвовавших в событиях 1993 г. Тем более, что на фоне трагедии осени 1993 г. продолжать уголовные дела в отношении участников событий августа 1991 г. было просто невозможно. События осени 1993 г. были куда более трагичны по характеру действий сторон и по числу человеческих жертв.

Важно отметить, что вначале Дума была готова специально расследовать события осени 1993 г. и 16 февраля сформировала специальную комиссию в этих целях. Однако в связи с принятием Меморандума о согласии Дума 23 февраля 1994 г. отменила решение о создании такой комиссии [4].

Таким образом, Дума поставила своеобразную «точку» в проблемах уголовной ответственности и политической оценки действий тех, кто принимал активное участие в событиях августа 1991 г. и событиях мая – октября 1993 г. Этот компромисс был выгоден и президенту, поскольку снимался вопрос о законности его действий осенью 1993 г.

Начинался новый этап в политической истории России.

Интересно отметить, что наряду с политической амнистией постановление № 65-1 предусматривало амнистию лиц, совершивших определенный **круг преступлений и в экономической сфере**. Так, в соответствии с п. 3 постановления № 65-1 ГД были освобождены от уголовного наказания лица, осужденные:

а) за нарушение правил о валютных операциях, а также за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами [1];

б) присвоение либо растрату вверенного им государственного или общественного имущества, а равно за завладение этим имуществом с корыстной целью путем злоупотребления служебным положением. Освобождались также лица, совершившие эти преступления повторно либо по предварительному сговору [2];

в) злоупотребление властью или служебным положением [3]; за превышение власти или служебных полномочий [4]; халатность [5] и должностной подлог [6].

Часть лиц, амнистированных по указанному постановлению, могли попасть под амнистию и по постановлению № 63-1 ГД. Однако последнее предусматривало ограничения в зависимости от продолжительности отбытого срока наказания (не менее одной трети). Постановление № 65-1 ГД в этом вопросе было более радикальным и предусматривало освобождение независимо от назначенного срока и отбытой части наказания [7]. Дума постановила в отношении этих лиц прекратить производство всех следственных дел и дел, направленных, но не рассмотренных судами.

На основании п. 4 постановления № 65-1 ГД прекращались все уголовные дела, а также освобождались от наказания лица, совершившие и более тяжелые преступления в экономической сфере:

а) осужденные по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР за хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением, причинившие крупный ущерб государству или общественной организации [8];

б) осужденные по ч. 2 и 3 ст. 93 УК РСФСР за хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества повторно или по предварительному сговору [1], а также причинившее крупный ущерб государству [2];

в) осужденные по ст. 93.1 УК РСФСР за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах [3], кроме тех, кто совершил его путем кражи, грабежа, разбоя и мошенничества [4].

Предусматривалось, что осужденные, указанные в п. 4 постановления, подлежали амнистии только при условии, что они совершили преступления до «ликвидации СССР», т. е. до декабря 1991 г.

Таким образом, амнистия, объявленная Государственной Думой в феврале 1993 г., имела широкий характер. Однако оба постановления об амнистии (№ 63-1 ГД и № 65-1 ГД) не распространялись на лиц: ранее осуждавшихся за умышленные преступления и вновь осужденных к лишению свободы за умышленные преступления; признанных особо опасными рецидивистами; являющихся злостными нарушителями режима отбывания наказания; ранее освобождавшихся из мест лишения свободы до полного отбытия назначенного судом срока наказания в порядке акта амнистии или помилования и вновь совершивших умышленное преступление.

Принятые постановления вступили в силу с момента их опубликования 26 февраля 1993 г. и подлежали исполнению в течение шести месяцев. Однако пункты, относящиеся к политической амнистии, подлежали немедленному исполнению.

В соответствии с этими пунктами, лица, причастные к событиям августа 1991 г. и весны – осени 1993 г., были освобождены немедленно решением генпрокурора РФ А. И. Казанника. Однако его действия встретили резкое неприятие со стороны президента Б. Н. Ельцина. Согласно заявлению Казанника, события разворачивались следующим образом: «23 февраля 1994 года Дума приняла постановление об амнистии членов ГКЧП. Ельцин на нем написал резолюцию: “Не выполнять и из “Лефортово” никого не освобождать”. А я не мог не выполнить законное решение. Поэтому объявил в прокуратуре следующий день – субботу – рабочим. А в понедельник после проведенной процедуры подал в отставку. Совет Федерации ее не принял, и я вышел на службу. Но меня не пустили в здание прокуратуры из-за команды Ельцина. Мне было больно и неприятно» [5].

Следует отметить, что действия президента были весьма многозначительны. Он был готов саботировать решение Думы, несмотря на полную юридическую законность последнего. И эта акция серьезно подрывала те цели, которые были намечены Меморандумом о согласии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меморандум о согласии. Утвержден постановлением Государственной Думы ФС РФ от 23.02.1994 г. № 62-1ГД «О принятии меморандума о согласии» //Российская газета. 26 февр. 1994. № 39. С. 1.
2. Конституция Российской Федерации. М.: М.: ИНФРА-НОРМА, 1998.
3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» от 23.02.1994 г. № 63-1 ГД // Российская газета. 26 февр. 1994. № 39. С. 1.

4. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О порядке применения постановления «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» от 23 февраля 1994 г. № 64-1 ГД// Российская газета. 26 февр. 1994. № 39.

5. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении политической и экономической амнистии» от 23.02.1994 г. № 65-1ГД//Российская газета. 26 февр. 1994. № 39.

6. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О некоторых вопросах применения постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции"» от 25 марта 1993 г. № 76-ГД// Ведомости ФС РФ. 1993. № 3. Ст. 156.

7. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О признании утратившим силу постановления Государственной Думы» от 23 февраля 1994 г. № 66-1 ГД// Ведомости ФС РФ. 1994. № 2. Ст. 138.

8. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Наука, 1995.

9. Интервью А. И. Казанника/ Коммерсант власть. 11 дек. 2001. № 49 [451].

I. V. Yzlova

STATE DUMA 1994–1995. FIRST STEP: AMNESTY

The FA RF State Duma resolutions, passed in February 1994, were examined in the article.

State Duma, resolutions, amnesty, Memorandum of February 23, 1994

ДУША МОРЯКА. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Раскрывается психологическая точка зрения на душу военного моряка, анализируется понятие "состояние души" как проявление душевных качеств человека, выражающихся в его психических состояниях.

Психология, психические состояния, состояния души, душа

Даже поверхностный взгляд на проблему души человека невольно задерживается на очевидном парадоксе: эта проблема столь же проста и понятна без всякого научного обоснования, сколь (до предела разумных возможностей) сложна и скрыта в глубинах теоретического поиска истины. Действительно, само понятие "душа" ежедневно на слуху у каждого человека. "Крик души" и даже "Вопль души" – заголовки в газетах. "Не лезь в мою душу" – слышится в беззлобной перебранке в ожидании автобуса. "Ах, ты... твою душу..." – хулиганская угроза. "Успокойтесь, откройте свою душу" – беседа врача с пациентом. Казалось бы, всем всё понятно. Но это далеко не так. Вопрос о сущности души, духа до сих пор остается открытым.

Наиболее чёткое и логически обоснованное определение души человека изложено в различных документах и богословских исследованиях. Понятно, что оно основано на религиозном мировоззрении. Центральной основополагающей аксиомой этого определения, независимо от конкретики религиозной веры, является утверждение о божественном происхождении и предназначении души. Научная психология длительное время отрицала существование души в качестве нематериального, самостоятельного, живого и разумного образования, воплощающего в себе основные черты человеческой личности. Но внимательный анализ изданий, посвященных проблемам души человека, позволяет констатировать, что разрешение этой проблемы и сегодня, мягко говоря, почти так же проблематично, как и два столетия назад. В настоящее время ученые вернулись к изначальному положению о необходимости научного обоснования самого понятия "душа человека".

В частности, В. П. Зинченко в своей работе "Размышления о душе и ее воспитании" обосновывает следующий подход к этой проблеме:

– помимо психики и сознания у человека имеется ещё и душа, которая существует у него от рождения в готовом виде, так как в процессе всей жизнедеятельности она "...не столько развивается, сколько раскрывается" [1, с. 121];

– в отличие от психики и сознания душа всечеловечна, внеисторична и архетипична. Но так как она обладает эмоциональной памятью, то способна (при благоприятных условиях) приобщать человека к общечеловеческим, внеисторическим ценностям и, что самое главное, достигать абсолютной истины;

– душа внеисторична, но она обладает чувством времени, "без которого не может жить";

– в отличие от психики и сознания душа живёт своей особой "душевной" жизнью с целью достижения абсолютного. Но так как абсолютное возможно только посредством искусства, поэтому искусство "является важнейшим посредником между душой и абсолютным", создающим "язык души" [1, с. 121];

– психология длительное время отрицала наличие души, пыталась доказать, что души нет. "Вместе с душой она потеряла чувство времени, которое пытается обрести вновь... психология виновна, но заслуживает снисхождения, которого, впрочем, не ищет. Раскрыть механизм чудесного, взять приступом абсолютное ещё никому не удавалось (не только в области психологии). Приблизиться к пониманию души пока удаётся лишь литературе и искусству" [1, с. 121].

В целом мы разделяем научные положения В. П. Зинченко и считаем их вполне обоснованными. В то же время нельзя не отметить, что ряд из них не только противоречат некоторым, ставшим уже привычными установкам, вошедшим во все учебники по психологии, но и требуют серьёзного научного подтверждения. К примеру, из утверждения В. П. Зинченко о том, что душа в процессе жизнедеятельности человека не столько развивается, сколько раскрывается, следует, что человек родился с душой, уже сформировавшейся, и совершенствование человека как личности зависит от условий, способствующих раскрытию природённых свойств и качеств. Но, несмотря на научно обоснованные подходы к воспитанию души, в своих работах Зинченко не даёт определения этому понятию. И это не случайно. "Мне удалось, – пишет он, – удержаться от попыток определить, что такое душа. Психологи должны вначале признать её существование, а потом уже строить догадки о том, что это такое!" [1, с. 135].

Что ж, можно, конечно, пойти и по такому пути. Но не лучше ли искать ответы на поставленные жизнью вопросы одновременно, если такая возможность имеется? Такой путь поиска и достижения истины вполне возможен. Об этом довольно убедительно пишет Кен Уилбер. Основное в его концепции заключается в том, что процесс познания души предполагает не просто её раскрытие (как у В. П. Зинченко), а её развитие в грубой, тонкой и каузальной стадиях. При этом он подчёркивает, что такой подход не заменяет, а дополняет процесс познания души развитием, которое может «развиваться относительно независимо друг от друга; и поэтому фронтальное "Я", душа и самость могут развиваться в какой-то степени параллельно» [2, с. 168]. В соответствии с выводами интегральной психологии Кена Уилбера, душа – это психическая реальность как результат самопознания на линии тонкого познания.

По сравнению с подходом В. П. Зинченко, интегральная психология не просто признаёт наличие души в качестве индивидуального источника самоидентичности человека, но и считает её, наряду с материей, телом и духом, основой саморазвития (самосовершенствования) человека, предела которому нет. Определяя душу как результат развития самости, Кен Уилбер выходит за пределы любого ограничения духовного развития, в том числе религиозного (божественного) предначертания или природного (врождённого) предела, что, по нашему мнению, имеет существенное значение для понимания души человека с позиций достижения истины. Обосновывая возможность развития души, связанного с формированием самоидентичности, Кен Уилбер опирался на теоретические основы когнитивной психологии

развития, социальной психологии символического интеракционизма и аналитической эгопсихологии с целью наиболее полного автономизма формирующейся самости.

Не трудно убедиться в том, что интегральная психология отвечает всем требованиям, обеспечивающим возможность направленного воздействия на формирование у человека таких психологических свойств и качеств, которые можно характеризовать, как проявление его души. Эти возможности тем более вполне реальны ещё и потому, что проблема души человека в нашей отечественной науке и прежде всего в философии, социологии, психологии, а также в литературе раскрыта на достаточно высоком уровне.

Казалось бы, если следовать изначальному определению души как составной части психологии, то можно считать, что понятием "психика" исчерпывается определение понятия "душа". Однако такое, на первый взгляд, вполне обоснованное логическое определение требует научного обоснования. В эпоху безусловного авторитета Церкви такое обоснование было возможно лишь на религиозной основе.

Сущность души, утверждают современные священнослужители, заключается в ее богоподобности, дееспособности и загробной нескончаемости. В этом основа всей психической деятельности человека. Собственно представители любой религии считают, что психика – это и есть душа человека. Обосновывая это утверждение Карл Кёнинг в своей книге "О человеческой душе" пишет: «Современная психология, не способная объяснить человеческую душу, в то же время не может отрицать ее проявления и заменяет ее другими выражениями. Одно из таких слов-заменителей, вуалирующих образ души, это "личность"» [3, с. 14].

Истинность души, утверждается в указанном издании Кёнинга, заключается в ее вечности, нескончаемости и независимости от тела. Душа дана человеку Богом с определенными чертами и свойствами, и она покидает тело, когда человек умирает. Необходимо заметить, что в последнее время подобного рода издания заполнили наш книжный рынок. В них утверждается зависимость психики человека от состояния его души и духа, рассматриваются воображаемые закономерности переселения души, ее скитания после смерти человека, описывается механизм взаимоотношения души и сознания, "исследуется" феноменология духа и его саморазвития. Но несмотря на применение научной терминологии и ссылки на околонуточные публикации, в этих работах духовность решается в русле христианской этики, как воплощение образа Бога в человеке, и трактуется, как постоянное стремление человека к добру, к соблюдению христианской морали, изложенной в известных библейских заповедях [4].

В свое время католический священник Пьер Тейяр де Шарден писал: "В науке еще идут споры между материалистами и спиритуалистами, между сторонниками детерминизма и фидализма. Проспорив сто лет, каждая партия осталась на своих позициях и предьявляет противнику солидные к тому основания" [5, с. 34]. Нет сомнения, что эти научные споры будут продолжаться еще не одну сотню лет. Причем, хотим мы этого или нет, особая роль церкви в духовной области неоспорима. Эту свою роль она не без основания обосновывает тем, что само латинское слово *cultura*, означающее "возделывание", "образование", "развитие", происходит от слова *cultus* – "почитание", "поклонение", "культ". Поэтому Церковь права, когда подчеркивает, что это свидетельствует о религиозных корнях культуры. Основываясь на этих бесспорных фактах, церковь предпринимает небезуспешные попытки подчинить своему влиянию представителей образования, медицинского обеспечения и научных деятелей.

Призывая деятелей науки и культуры к сотрудничеству, особенно при решении проблемы души и духа, церковь рассчитывает подкрепить занимаемые позиции авторитетом научных исследований. Отметим, что эти надежды Церкви не беспочвенны. Вспомним, к примеру, позицию Церкви по поводу бессмертия души, ее независимости от тела. В последние годы в печати появилось много публикаций, будто бы подтверждающих эту позицию, но все они в лучшем случае выдают желаемое за действительность. В одном из таких исследований, посвященном новому подходу к соотношению науки и религии, сделана попытка проанализировать сущность души на основе закона сохранения информации. Ее авторы, принимая в качестве рабочей гипотезы утверждение, являющееся аксиомой для религиозного мышления как такового, "научообразно" формулируют его следующим образом: если после смерти физического тела "душа" – информационный блок, содержащий все основные характеристики умершей личности (его память, эмоциональный настрой, привычки, склонности, характер мышления, убеждения, а главное – сознание), отделяется от тела как единое целое, то что с ней происходит дальше?" [6, с. 320–321].

Для нас ответ на поставленный авторами вопрос не имеет принципиального значения. Важно то, что в анализируемом издании авторы убедительно показали реальную возможность существования души в ее религиозном обосновании. Главное в этом анализе – использование закона о сохранении информации, что действительно объясняет, во-первых, тождественность понятий "психика" и "душа" (как результат деятельности мозга) и, во-вторых, возможность использования научных исследований последнего времени для доказательства правоты религиозной трактовки души и духа. Хотя, конечно же, ссылки авторов на рассказы лиц, переживших клиническую смерть, мягко говоря, требуют более весомых научных исследований.

Тождественность понятий "психика" и "душа" приводит к необходимости определения тех психических явлений, которые являются отражением, выражением души человека. Теоретические источники и проведенные исследования позволяют утверждать, что на высшем уровне психического отражения в процессе информационной адаптации формируются психические состояния человека. Характеризуя внутренний мир человека, они, наряду с психическими процессами и свойствами личности, проявляются в психической деятельности по отражению объективной реальности. Но по общепринятому пониманию, основанному главным образом на повседневно-бытовом мироощущении, внутренний мир человека – это его потребности, склонности, желания, сугубо личностные оценки, взгляды, мнения, другими словами – это все то, что проявляется в его поступках, делах и отношениях, а также и то, что всегда остается у себя, внутри, что скрыто за семью печатями и никогда не раскрывается, и даже самим этим человеком не всегда понимается и оценивается, – это его душа. При этом подчеркнем, что в данном конкретном случае нас интересует не определение души как явления, а проявление душевных качеств человека – состояние души.

Итак, внутренний мир человека проявляется в его психологии, т. е. в психических состояниях. Но в то же время этот же внутренний мир человека проявляется в его душевных свойствах и качествах, т. е. в состояниях его души. А так как формирование психических состояний является результатом осознанного отражения, то, отождествляя психическое состояние с состоянием души человека, мы понимаем ее (нашу душу) на основе ма-

териалистического утверждения о бесконечности форм и состояний материи. Душа и ее состояния проявляются в форме психического состояния человека, характеризуя его человеческую сущность, индивидуальность и неповторимость.

Подчеркнем, что отождествление психического состояния человека с состоянием его души не является открытием нашего времени. Проблема "состояния души" привлекла пристальное внимание еще Гераклита. Считая эти состояния устойчивым психическим образованием, он, тем не менее, признавал возможным наличие различных по значению психических состояний, вплоть до перехода из одного качественного показателя в другое. В более поздний исторический период состояние души как психическое явление исследовалось другими представителями эллинистической науки.

Итак, одна часть души – бессмертна, а другая ее часть принадлежит телу и, следовательно, существует в единстве с ним. Но тело человека существует на материальной основе. Как видим, эта позиция Аристотеля не даст четкого ответа на вопрос понимания души.

Достаточно весомое научное обоснование тождественности психического состояния человека и состояния его души содержится в книге Л. М. Чайлахяна. В своем исследовании автор утверждает, что психика в форме ощущения появляется на определенном этапе развития животного мира на основе самоорганизации и информационно-энергетического взаимодействия. "Ощущения и последующие более сложные психические состояния или процессы – это внутренний язык самоуправления физиологической работой мозга" [7, с. 12]. В результате самоуправления на определенном этапе эволюции у живых организмов возникает способность самооценки переживаемой ситуации и, следовательно, способность влиять на ее внутренние и внешние факторы, свидетельствующие о сознательном управлении этим процессом.

Таким образом, «... сознание, психика, "душа". Наше "Я", наше самосознание могли возникнуть из неживой природы в процессе естественной эволюции и самоорганизации на основе информационно-энергетического взаимодействия» [7, с. 151]. Как видим, автор без колебаний пользуется понятиями "психика" и "душа" как синонимами. Тогда почему же он, утверждая, что сознание, психика возникли на основе фундаментальных законов природы, говоря об истинной культуре человека, его духовности, т. е. о том, что и делает человека Человеком, отдает предпочтение религии? [7, с. 15]. Для нас это имеет принципиальное значение только лишь потому, что представители просвещенной религиозной элиты всегда подчеркивали, а в настоящее время с особой настойчивостью утверждают о незыблемости этого приоритета.

Разница между нашим пониманием роли веры в Бога и пониманием "просвещенной религиозной элиты" не в том, что мы принижаем эту роль, а элита ее возвеличивает. Здесь, как замечал Достоевский, всегда может быть спор не про то. Дело не в принижении или возвеличении этой роли. В данном случае разграничение проходит не на линии этих слов. Мы не просто отдаем должное религии за ее роль в развитии культуры, но и в то же время отмечаем то негативное, даже в отдельных случаях реакционное, что Церковь привнесла в культуру.

Душа – это творение Бога – такова позиция любой религии. Душа – это синоним психики, а посему никакой души кроме психики нет и быть не может – такова позиция научной психологии. Позиции обозначены четко, ясно и непоколебимо. Но так ли уж оп-

равдана эта непоколебимость обеих спорящих сторон? Ведь еще за 300 лет до рождения Христа Аристотель писал, что душа, являясь формой тела, получила возможность к развитию от Бога, но существует-то она в единстве со своей материальной основой – телом и должна развиваться по законам материального мира. Не менее интересные мысли высказывал средневековый католический священник Якоб Бёме, когда утверждал, что духовность как проявление жизненного духа (как напряжение, стремление, как муки (Qual) материи) [8] является одним из прирожденных свойств материи.

Спор между религией и атеизмом продолжается более двух тысячелетий. Но проблема Человека, а тем более его Души также далека от научного разрешения, как и две тысячи лет назад. По меткому определению В. П. Зинченко, психология, претендующая на роль науки о душе, фактически превратилась в науку об ее отсутствии [3, с. 10]. Но и отсутствие души в ее материальном понимании она обосновать еще не в состоянии. Так же, кстати сказать, как и религия не может убедительно аргументировать ее божественные основы. Хотя, надо признать, что для религии такая аргументация и не нужна, поскольку ее утверждения основаны на Вере.

По мнению автора, тождественность психических состояний и состояний души человека основывается на душевно-психической парадигме, сущность которой заключается в следующем:

1. В отличие от психических процессов, возникающих и развивающихся на гомеостатичном и вегетативном уровнях отражения, психические состояния формируются на высшем уровне психического отражения – на уровне сознания.

2. Процесс отражения в психических состояниях определяется информационным фактором, обеспечивающим субъективную представленность объективного мира сознания.

3. В результате субъективной представленности в психических состояниях отражается не только реальная жизненная ситуация, но и отношение к ней субъекта.

4. Психическое состояние формируется в процессе информационной адаптации на определенном уровне осознанности и, следовательно, под влиянием ценностных ориентаций, мировоззрения, направленности личности. Поэтому оно проявляется как духовность человека.

5. Признание духовности в качестве психического состояния человека неизбежно требует признания души как объективной реальности. Душа как и вся психика имеет материальную основу, а ее состояние является в то же время и психическим состоянием человека.

6. Психические состояния – это самостоятельная группа психических явлений, которые проявляются как состояния души человека. Они формируются в процессе информационной адаптации на высшем уровне психического отражения под влиянием характерологических особенностей субъекта, его мотивов, установок и отношений на основе душевно-психической парадигмы.

Проведенные исследования на кораблях в длительных плаваниях и в процессе обучения военных моряков в вузах позволяют утверждать следующее:

– под психическими состояниями человека понимаются такие относительно самостоятельные и устойчивые психические явления, в которых проявляется уровень его жизненной активности, отношение к окружающему миру, другим людям, к коллективу, к об-

шеству, к своим общечеловеческим и служебно-профессиональным обязанностям и к общественным требованиям. Короче говоря, в основу нашего понимания психических состояний было положено предельно сжатое определение В. А. Пономаренко: "Психические состояния – это области субъективного отражения жизнедеятельности, процесс формирования представленности и окружающего мира созданию" [9, с. 127];

– являясь результатом сознательного отражения, психические состояния формируются на основе субъективной оценки окружающей действительности в процессе информационной адаптации к ее особенностям и требованиям;

– в психических состояниях выражается субъективная сущность человека, его личностные свойства и качества: темперамент, характер, способности, направленность личности;

– отождествление психических процессов и психических состояний неправомерно. Основное отличие между ними заключается в уровне отражения. Если психические процессы являются результатом гомеостатического и вегетативного отражения окружающей действительности, то психические состояния – это отражение на уровне сознания;

– как психическое явление психическое состояние человека является по существу состоянием души человека. Отождествление психических состояний и состояния души основывается на понимании души как особой формы существования материи.

Необходимо отметить, что зависимость психических состояний моряков от объективных факторов длительного плавания обусловлена многими причинами, хотя, конечно же, благоприятные условия, скорее всего, отражаются на экипаже положительно. В конечном итоге многое также зависит и от субъективных факторов, в том числе личностных и социально-психологических особенностей моряков и воинских коллективов, мировоззренческих, идеологических, политических и религиозных предпочтений.

Объективные и субъективные факторы длительного плавания отражаются непосредственно на гомеостатическом уровне в форме вполне определенных восприятий, эмоций, чувств и настроений. Практически одновременно идет процесс информативной адаптации на уровне сознания. Психические состояния формируются как результат субъективного восприятия окружающей обстановки, когда внешние воздействия проходят через "чистилище" личностных свойств и качеств человека. При этом моряк чувственно, эмоционально реагирует на все воздействия, а внутренне, душевно остается в определенном состоянии, которое соответствует его основным личностным свойствам и качествам. Вот это внутреннее состояние, которое мы называем состоянием души человека, и есть его психическое состояние.

Психическое состояние военных моряков – это состояние их души, которое формируется и раскрывается в процессе информационной адаптации на высшем уровне психического отражения в результате восприятия и осознания наиболее важных для корабля и для каждого моряка событий и явлений общественной и личной жизни. Они определяют собой уровень жизненной активности военных моряков, их отношения к задачам длительного плавания, к своим обязанностям и общественным требованиям, окружающему миру, коллективу, обществу. В условиях корабельной службы психическое состояние моряка как состояние его души отличается таким своеобразием, такой спецификой и такой непо-

вторимостью, каким является сам Океан со своей природной неповторимостью. Такое состояние и такая душевность формируются только в Океане и всякий раз по-новому, в соответствии с теми условиями, которые на этот раз окажутся в районе длительного плавания и выполнения задач боевой службы.

Все представители нашей культуры обращали своё внимание не вообще на проблему души человека, а выделяли в этой проблеме конкретную душу русского человека, душу россиянина. Понятие "русская душа" вошло в обиход российской интеллигенции в качестве исторически сложившегося и непрерывно развивающегося типа личности, обоснованного в произведениях известного российского философа И. А. Ильина.

"Русская душа" будоражила произведения Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского. Ей посвящены многие произведения музыкального искусства, в том числе М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, А. П. Бородина. Она входит в нашу жизнь со страниц исторических романов в таких обобщающих образах, как Емельян Пугачёв, Степан Разин, император Пётр I, фельдмаршалы Михаил Кутузов и Александр Суворов, адмирал Ушаков.

В заключение заметим, что сегодня, как и сотню лет назад, душа российского моряка – это русская душа, отличительными характеристиками которой являются исключительная сила духа, воля и целеустремленность, стойкость и бесстрашие. Она ведь – плоть от плоти своего народа, со всеми его достижениями, радостями и печалью, с его крутым, неуступчивым и скрытым характером. Пожалуй, лучше всего охарактеризовал душу русского моряка Леонид Соболев: "Морская душа – это решительность, находчивость, упрямая отвага и непоколебимая стойкость. Это веселая удаля, презрение к смерти, давняя матросская ярость, люта я ненависть к врагу. Морская душа – это нелицемерная боевая дружба, готовность поддержать в бою товарища, спасти раненого, грудью защитить командира и комиссара.

Морская душа – это высокое самолюбие людей, стремящихся везде быть первыми и лучшими. Это удивительное обаяние веселого, уверенного в себе и удачливого человека, немножко любующегося собой, немножко пристрастного к эффектности, к блеску, к красному словцу. Ничего плохого в этом "немножко" нет. В этой приподнятости, в слегка нарочитом блеске – одна причина, хорошая и простая: гордость за свою ленточку, за имя своего корабля...

Морская душа – это огромная любовь к жизни...

Морская душа – это стремление к победе. Сила моряков неудержима, настойчива, целеустремленна...

В ней – в отважной, мужественной и гордой морской душе – один из источников победы" [10, с. 400–401].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинченко В. П. Размышления о душе и ее воспитании // Вопр. философии. 2002. № 2. С. 119–136.
2. Уилбер К. Интегральная психология / Ин-т трансперсональной психологии. М., 2004.
3. Кёнинг К. О человеческой душе / Пер. с нем. С. Ю. Ипатова. Калуга: Духовное признание, 1999.
4. Библия. Второзаконие. Гл. 5. СПб.: Московский Патриархат, 2000.

5. Шарден П. Тейяр, де. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965.
6. Ершова Г. Г., Черносивтов П. Ю. Наука и религия: Новый симбиоз. СПб.: Алетейя, 2003.
7. Чайлаханьян Л. М. Истоки происхождения психики или сознания. Пушино: Грааль, 1992.
8. Бёме Я. Истинная психология, или Сорок вопросов о душе. СПб.: Алетейя, 1999.
9. Пономаренко В. А. Психология духовности. М.: Магистр, 1998.
10. Соболев Л. Морская душа: Рассказы. М.: Высш. шк, 1983.

G. G. Bronevitskiy

PSYCHOLOGY OF A SEAMAN'S SOUL

The following article depicts a psychological point of view on a military seaman's soul and contains analysis of a term "soul condition" as manifestation of human inner qualities that convey in the psychological states.

Psychology, psychological states, soul condition, soul

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ СИСТЕМАМИ ГОССЛУЖБЫ

Анализируются структурные особенности интегрированных, фрагментированных и изолированных систем госслужбы, выявляются параметры их эффективности. Рассматриваются разнообразные трактовки таких категорий, как «государственная должность», «государственный служащий», «государственная и муниципальная службы».

Государственная служба, государственный и муниципальный служащие, государственная должность

В системе государственной службы человек как базовый минимальный элемент данной системы включается в определенную организационную структуру. В разных странах системы государственной службы обладают значительными структурными особенностями.

Для организационной структуры государственной службы и ее кадрового состава большое значение имеют принципы, на которых базируется система, и различные варианты прохождения госслужащими карьерных ступеней. Эти параметры можно представить в виде табл. 1 на примере ряда развитых стран, между которыми по этим параметрам существуют значительные отличия, которые, однако, не меняют общего демократического характера государственной службы. В настоящее время наблюдается сближение систем государственной службы по ряду параметров. Главным интегрирующим моментом является в Европе сближение членов ЕС, а в целом – необходимость повышения эффективности и снижение общих затрат.

Таблица 1

Организационные структуры	Способы прохождения карьеры	
	интегрированные	изолированные
Интегрированные	Япония	Германия, Англия
Фрагментированные	Франция	Швеция, США

Таблица дает только общее представление о данных системах. Два параметра, приведенные в ней, отражают разные инструменты организации системы и разные формы отбора персонала, используемые с целью повышения координации и эффективности бюрократии. В Японии организационная структура и пути развития карьеры интегрированы, с чем связаны соответствующие образцы поведения чиновников и довольно толерантные формы политико-административного взаимодействия. В Швеции административная и политическая карьера не пересекаются, обе сферы разделены, отсутствуют координирующие черты, характерные для других стран. Эти две страны могут рассматриваться как два полюса в системе координат по названным параметрам. Остальные занимают промежуточные позиции. Указанные отличия систем государственной службы связаны с особенностями исторического развития конкретных государственных систем, степенью централизации в их системе государственного управления, а также особенностями национальной политической и админи-

стративной культуры. В настоящее время можно наблюдать постепенное сближение и унификацию, которая, однако, пока не привела и вряд ли в ближайшие годы приведет к выработке единой организационной структуры и способов прохождения карьеры.

В рамках данной организационной структуры каждый служащий, выполняя частную функцию в рамках общей задачи своего подразделения, становится обладателем определенной государственной должности. Отметим, что, говоря о государственных должностях, мы имеем в виду как должности административного аппарата в соответствии с трактовкой закона РФ «Об основах государственной службы», так и иную трактовку этого понятия. Кроме того, говоря о персонале государственной службы, следует различать «рядовых» сотрудников и высокопоставленных чиновников, занятых в высших эшелонах власти, по терминологии западных ученых – «мандаринов».

Понятие «государственная должность» может быть определено по нескольким параметрам. Правовое понятие «должность» может быть сформулировано следующим образом: «Государственно-служебная должность – это часть организационной структуры государственного органа (организации), обособленная и закрепленная в официальных документах (штатах, схемах должностных окладов и др.), с соответствующей частью компетенции государственных органов (организаций), предоставляемой лицу – государственному служащему в целях ее практического осуществления». Данное определение, заимствованное еще из советских времен, фактически включено и в Федеральный закон «Об основах государственной службы»: «...государственная должность – должность в федеральных органах власти, органах государственной власти субъектов РФ, а также иных государственных органах, образуемых в соответствии с Конституцией РФ».

Однако к понятию «должность» можно подходить с различных точек зрения: правового статуса (закрепляется законодательством), абстрактно-функциональной (определяется реестром должностей данной категории), конкретно-функциональной (фиксируется в штатном расписании данного органа и должностной инструкции, описанию рабочего места вне системы государственной службы).

Таблица 2

Должность		
с точки зрения правового статуса	в абстрактно-функциональном смысле	в конкретно-функциональном смысле
Правовому положению в соответствии с обозначением должности, тарифной группой и принадлежностью к карьерной категории	Принадлежности к определенному учреждению	Конкретному кругу задач на рабочем месте

На основе табл. 2 можно четко проследить, как модифицируется понятие «должность» в зависимости от аспекта его рассмотрения. Четкость этой концепции обусловлена тем, что в ее основе – сложившийся исторически и оформленный разработанной правовой базой статус немецкого чиновника. В рамках такого подхода определены:

– необходимые условия для допуска на государственную службу (общие – гражданство, состояние здоровья, возраст; особые – наличие необходимой профессиональной подготовки и квалификации);

- обязанности чиновника;
- права чиновника, вытекающие из обязанности государства по попечению о чиновниках, сформулированной как принцип полного государственного обеспечения.

В эпоху абсолютизма государство распространяло свое воздействие практически на сферы общественной жизни для обеспечения благосостояния граждан (меркантилистское государство благосостояния). Такое государство называли также «полицейским», так как оно в лице верховного правителя «обеспечивало все необходимое с его точки зрения для безопасности, удобства, хорошего воспитания, порядка, питания, населенности и богатства граждан». В этом государстве с его затрагивающим все сферы жизни регулированием государственных служащие (чиновники) занимались, прежде всего, освоением новых земель и полезных ископаемых, стимулированием развития и контролем за ремеслами, ставками налогов и пошлинами, принуждением к труду, школами, культурой, жизненным укладом граждан и демографической политикой.

Произвол и излишняя опека полицейского государства были преодолены в рамках либерального правового государства XIX столетия, в котором гражданам была обеспечена защита от произвола власти, гарантированы равенство всех перед законом и максимально возможная личная свобода. В рамках этого государства государственные служащие также были поставлены в условия, в которых они имели право и должны были действовать только в рамках закона, как исполнители воли государства.

В зависимости от формы государства изменяется объем и характер его функций, а также функции государственной службы. В современных развитых странах эти функции также могут быть различными. Так, например, в странах с социал-демократической и консервативной моделями социального государства функции, выполняемые публичным (государственным) сектором, очень широки, вследствие чего объем задач госслужбы увеличивается, а значит, усиливается и объем контроля за жизнью граждан, что отмечается многими исследователями на примере скандинавской модели государства всеобщего благосостояния (welfare state).

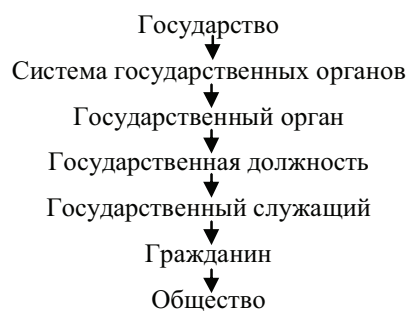
В современном обществе развиваются параллельно две тенденции: экономика стремится к свободному, регулируемому только рыночными механизмами развитию, однако одновременно возрастают и ожидания по отношению к государству и его аппарату, который призван, используя определенные регулирующие механизмы, поддерживать в состоянии равновесия сложнейший общественный организм, заботиться о стабильности системы денежного обращения, обеспечивать условия для роста экономики, а также участвовать в перспективном развитии, направленном в будущее. В соответствии с кругом задач и характером функций речь идет в данном случае о государственной службе в широком смысле слова, имеются в виду не только чиновники, работающие за письменным столом, но работники просвещения, здравоохранения, транспорта, органов охраны правопорядка.

Специфический статус профессионального чиновника призван обеспечивать постоянную готовность и дееспособность системы государственного управления по отношению к гражданам.

Однако чиновничество и бюрократия в разных странах в различной степени влияют на принятие политических решений. За счет своей большой устойчивости (большей, чем у

других элементов государственной системы) система государственной службы сопротивляется ходу проведения различных административных реформ, что требует определенной реакции со стороны политиков. Вышедшая из под контроля политической сферы бюрократия способна обособляться до такой степени (оставаясь высоко профессиональной и самодостаточной), что подаваемые ею обществу сигналы могут быть прямо противоположными тем, которые исходят из политической сферы (например, ориентация только на качество услуг без учета затрат). Более подробно взаимодействие государства и общества можно проиллюстрировать следующей схемой.

В данной схеме государственная служба входит в систему государственных органов, занимая в них место между политическими органами (парламент и правительство) и всеми структурами, не относящимися к сфере государственной службы. В трактовке закона РФ «Об основах государственной службы» верхней границей должностей государственных служащих в общей структуре занятости публичного сектора являются политические должности (министров), а нижней – рабочие места в государственных органах и структурах, не отнесенные согласно закону к государственным должностям и не включенные в Реестр государственных служащих РФ.

Приведенная схема демонстрирует тесную связь систем государственной службы с другими подсистемами государства и всем обществом в целом. Однако следует отметить, что многие параметры системы государственной службы очень трудно поддаются воздействию со стороны общества. Так, даже в демократических государственных системах государственная служба по-прежнему во многом сохраняет элитарный кастовый характер. По данным исследователей, в составе государственных служащих (особенно на высших должностях) велик процент «потомственных» бюрократов, т. е. выходцев из семей государственных чиновников. В среднем он достигает 48 %, при этом во Франции он наиболее высок – 66 %, ниже всего – в Голландии (37 %), где наибольшая степень фрагментации системы государственной службы, каждый департамент и другой орган имеют собственную систему подбора, отбора и подготовки государственных служащих.

Одной из важнейших проблем функционирования систем государственной службы сегодня является проблема структурно-функциональной оптимизации аппарата управления и института госслужбы. Решение этой проблемы – важнейшая предпосылка способности аппарата играть роль инструмента обеспечения стабильности всей государственной системы и общества. При этом взаимодействие аппарата (бюрократии) и общества становится все более необходимым.

Чрезвычайно важным является также контроль со стороны политической сферы общества за действиями государственного аппарата и его служащих. Общую схему организации такого контроля можно представить в виде табл. 3.

Таблица 3

Формальный контроль	Неформальный контроль	
	внешний	внутренний
Политические указания министров; команда консультантов министров; контроль законодательного органа; контроль судебных органов; институт омбудсменов; вовлечение граждан (если необходимо)	Средства массовой информации; общественное мнение; группы интересов	Профессиональные стандарты; ожидаемые реакции; давление равных по положению; совесть

Усложнение функций государственной службы требует ее дальнейшей профессионализации, что ведет, в свою очередь, к формированию управленческих элит и их обособления и отчуждения от общества. Для привлечения на государственную службу требуется постоянное повышение оплаты чиновников (для создания привлекательного имиджа) и предоставление им различных льгот и привилегий, что также воспринимается обществом негативно. Преодоление данного противоречия возможно «через передачу части функций непосредственно обществу: органам самоуправления, общественным организациям и коммерческим структурам, которые могут выполнять часть функций на контрактной основе. Узкое понимание государственной службы в РФ, выделение ее из всей сферы занятости в публичном секторе дают широкие возможности для решения проблемы именно таким путем.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что главной задачей всех составляющих системы «государство» должно быть сохранение баланса между ними, необходимого для оптимизации затрат и достижения максимальной эффективности функционирования как отдельных частей, так и всей системы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РФ «Об основах государственной службы» // СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.
2. Зуммер Р., Пюлер К.-П. Правовые основы государственной службы в Германии. Немецко-русский справочник / Баварская школа управления; Федеральная академия госуправления. Бонн, 1998.
3. Лобанов В. В. Служба высших руководителей // Государство и право. 1996. № 6. С. 19–24.
4. Ноздрачев А. Ф. Управление государственной службой // Право и экономика. 1996. № 12. С. 7–11.

A. I. Denisov, A. A. Bravitskiy

MANAGEMENT PECULIARITIES OF MODERN STATE SERVICE SYSTEMS

Structural peculiarities of integrated, fragmented and isolated systems of state service are analyzed and parameters of their efficiency are revealed. Various interpretations of such categories as «state position», «state employee», «state and municipal service» are considered.

State service, state and municipal employees, state position

ТЕЛЕРАБОТНИКИ – СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Содержатся результаты эмпирического исследования телеработников, которое было направлено на выявление социальных, демографических и некоторых социально-психологических характеристик этой относительно новой для России профессиональной группы.

Телеработа, телеработник, информационные технологии, дистанционная работа

Феномен «телеработы» как новой формы трудовой деятельности, основанной на дистанционных отношениях между работодателем и работником, осуществляемых посредством информационных технологий [1], требует отдельного изучения представителя своей профессии – телеработника. Телеработник – штатный или контрактный работник, занятый частично или полностью, удаленно осуществляющий свою профессиональную деятельность посредством использования информационных технологий без прикрепления к определенному рабочему месту [2].

Целью исследования было составить социально-демографический портрет телеработников для проведения дальнейших научных изысканий.

В качестве объекта исследования выступили мужчины и женщины, соответствующие вышеприведенному определению телеработника, а также следующим критериям: успешно работают на дому не менее одного года; получают основной доход от работы на дому; используют в работе информационно-коммуникационные технологии; возраст – от 23 лет.

Количество испытуемых – 32 человека, из них: мужчин – 21; женщин – 11. Все испытуемые постоянно проживают в Санкт-Петербурге. Для проведения исследования использовался метод анкетирования, проводимого посредством электронной почты. Анкета отсылалась испытуемому, который отмечал свои ответы в компьютере и возвращал заполненную анкету.

В результате анкетирования группы телеработников была обнаружена тенденция к преобладанию мужчин в возрастной группе от 23–25 лет и в группе от 35–37 лет, а также отсутствие женщин в возрастной группе от 29–34 лет.

Семейное положение: было выявлено, что среди телеработников, не имеющих семьи, преобладают мужчины; опрошенные женщины в основном состоят в браке.

Образование: можно отметить, что преобладают испытуемые с техническим и гуманитарным высшим образованием. Техническое высшее образование имеют в основном мужчины. Некоторые испытуемые имеют второе высшее образование (6 %) или ученую степень (10 %).

Телеработники осуществляют свою профессиональную деятельность в основном в сфере информационных технологий и коммерции. Это преимущественно мужчины. Женщины заняты в сфере переводческих услуг, коммерции, экономики и финансов.

По найму работают 71 % испытуемых, только 29 % имеют свой бизнес. Среди телеработников преобладают те, кто имеет общий стаж трудовой деятельности 3–5 лет. В основном в нашей выборке присутствовали телеработники, имеющие опыт работы дистанционно 1–2 года (50 %), а также 3–5 лет (31 %). Более продолжительный опыт имеют лишь 19 %. Подавляющее

большинство телеработников ранее осуществляли свою профессиональную деятельность традиционно (85 %). Можно предположить, что наличие такого опыта работы положительно влияет на успешность телеработников. Большинство опрошенных (94 %) отметили, что их профессиональная деятельность связана с использованием компьютера не более 6 лет. Только 6 % используют компьютер для работы более 7 лет. Интересно отметить, что только 34 % работников предпочли бы традиционную деятельность при аналогичных условиях работе дома. Большинство (66 %) не согласилось бы на аналогичную работу в офисе.

Половина опрошенных не имеет обстоятельств, которые вынуждают работать дома; такая форма деятельности была выбрана ими по другим причинам. Среди причин, вынуждающих телеработников работать дистанционно, отмечены семейные обстоятельства – у женщин и учеба – у мужчин.

Установлено, что женщины в основном работают 3–4 дня в неделю, продолжительность их рабочего дня также ниже, чем у мужчин (3–5 часов), что, очевидно, можно объяснить сферой их деятельности, а также наличием семейных обстоятельств. Режим работы телеработников можно представить следующим образом.

Обнаружено, что предпочитаемое время суток для работы: 10:00–20:00 ч. В этом промежутке работают 50 % телеработников. С 7:00 до 17:00 ч работают 18 %, в основном женщины (84 %). Позже начинают и заканчивают рабочий день (13:00–23:00 ч) 18 % работников (мужчины – 84 %). Работают в вечернее и ночное время 12 % (мужчины): с 16:00 до 02:00 ч – 6 %; с 19:00 до 06:00 ч – 6 %.

Таким образом, можно констатировать, что в основном телеработники предпочитают для работы дневное время. Гибкий график, обусловленный дистанционным характером деятельности, позволяет им работать в любое время суток, однако эта возможность до конца не используется.

Рабочая группа: 21 % телеработников трудятся самостоятельно, остальные 79 % выполняют работу в составе рабочей группы. Рабочая группа состоит из 1–3 человек: – 35 %; включает более 4 человек – 44 %.

Анализ коммуникации: установлено, что коммуникации чаще осуществляются посредством электронной почты, что стало возможным и закономерным в связи с развитием информационного общества. Женщины-телеработники чаще используют телефон, мужчины – электронную почту. Можно предположить, что такие предпочтения обусловлены гендерными особенностями опрашиваемых. Интересно проанализировать предпочитаемый способ коммуникации в зависимости от сферы деятельности телеработника. Электронная почта не уступает традиционным способам коммуникации, а у телеработников, занятых в сфере информационных технологий, лидирует. Такое распределение можно считать закономерным – эта область в отличие от других неразрывно связана с новыми формами обмена информацией. В других сферах замена традиционных форм коммуникации на электронную не всегда целесообразна.

Установлено, что контроль за деятельностью телеработника в основном осуществляет работодатель, а также непосредственно заказчик или клиент. Незначительное количество телеработников указали, что контроль осуществляет партнер по бизнесу, и только один человек контролирует свою работу самостоятельно.

Преимущественно деятельность телеработника оценивается на основе выполнения поставленной задачи. Реже оценивается в зависимости от объема готовой продукции или на основе размера принесенной прибыли. Контроль затраченного времени осуществляется только в одном случае. Контроль на основе выполнения задачи наиболее эффективен при дистанционном осуществлении деятельности (нами обнаружено, что телеработники в целом удовлетворены такой формой контроля). Некоторые (9 %) предпочли бы вместо контроля за размером прибыли контроль на основе выполнения задачи. Только один человек считает для себя предпочтительным контроль на основе затраченного времени.

Анализ производительности: изменения производительности деятельности после перехода к дистанционной работе телеработники в целом оценивают положительно. Однако мужчины в отличие от женщин чаще отмечают значительное или незначительное повышение производительности. Все же небольшой процент женщин отметили незначительное снижение производительности. По результатам анкетирования эти испытуемые имеют причины, вынуждающие их работать дома. Можно предположить, что сознательный и свободный выбор дистанционной формы работы обуславливает позитивную оценку производительности деятельности и перспектив этой формы для работника.

Анализ эффективности использования телеработником рабочего времени показал, что в целом телеработники положительно оценивают динамику эффективности использования своего рабочего времени после перехода от традиционной занятости к телеработе.

Также было установлено, что помимо персонального компьютера для осуществления своей профессиональной деятельности телеработники используют телефон и модем для доступа в сеть Интернет, реже дополнительно используют факс. Собственником указанного оборудования в основном является сам работник (79 %), реже – работодатель (21 %). Расходы на оборудование и связь чаще оплачивает сам работник (69 %), реже – работодатель (31 %).

Значительного повышения доходов в связи с переходом к дистанционной работе телеработники не отмечают, но и снижение уровня доходов отметили только 19 %. Большинству работников дистанционная занятость приносит доход в размере 600...800 у. е. в месяц (56 %); 700...900 у. е. получают 32 % опрошенных; 100...300 у. е. – 12 % телеработников.

В результате частотного анализа из предложенных в анкете 14 качеств телеработники выбрали пять наиболее существенных, влияющих на успешность осуществления дистанционной работы. Отмеченные качества можно сгруппировать по степени значимости.

Наиболее важные	Умение принимать решения, коммуникативные способности, самостоятельность
Существенные	Креативность, деловая ориентация, самоорганизация
Менее существенные	Способность к ведению переговоров, обучению, убеждению, целеустремленность, решительность, готовность к изменениям
Несущественные	Умение работать с цифрами, организаторские способности

Необходимо отметить, что оценки таких качеств, как самостоятельность и умение принимать решения, являются закономерными для работника, осуществляющего деятельность дистанционно, однако удивляет наличие в этом ряду коммуникативных способностей. Это может послужить основанием для развенчивания мифа о стремлении к изоляции и избеганию общения людьми, занятыми в сфере информационных технологий. Крайне низкие оценки такого качества как «организаторские способности» в отличие от высоких

оценок качества «самоорганизация» в совокупности с низкой частотой выборов карьерной ориентации «менеджмент» могут дать основание для предположения о том, что телеработники предпочитают индивидуально нести ответственность за выполняемую работу, не стремятся к управлению людьми. Это может быть связано как с возрастом опрошенных, так и со сферой их деятельности.

Интересно отметить, что 66 % опрошенных знакомы с понятием «телеработа»; 96 % оценивают дистанционную работу как перспективную для себя; 100 % – как перспективную для России.

Было также выявлено, что в целом группа телеработников удовлетворена своей работой: большинство оценок удовлетворенности соответствуют шкалам «вполне удовлетворен» и «удовлетворен». Оценки «не удовлетворен»/«крайне не удовлетворен» не присутствовали. При сравнении группы, предпочитающей работать дистанционно, и группы, вынужденной по каким-либо причинам работать дома, было обнаружено, что средние значения оценки удовлетворенности у второй группы выше. Также обнаружено, что по группе женщин среднее значение выше, чем по группе мужчин. Можно предположить, что такие оценки удовлетворенности работой могут быть связаны с тем, что телеработники, вынужденные работать дома, выше оценивают для себя возможность не прерывать свою деятельность. Более высокая оценка удовлетворенности работой в группе женщин может быть обоснована тем, что больший процент женщин работает дома вынужденно, по семейным обстоятельствам. Телеработа помогает им не прерывать деятельность, что является значимым для женщин.

Помимо факторов, влияющих на удовлетворенность работой, были изучены специфические факторы, обусловленные дистанционным характером деятельности телеработников.

В результате анализа частоты выборов дополнительных факторов была выявлена тенденция, позволяющая оценить их значимость для телеработников. Факторы распределились следующим образом (от наиболее значимых к наименее значимым):

1. Независимость.
2. Желание работать на себя.
3. Возможность совмещать различную работу.
4. Возможность лучше реализовать свои возможности.
5. Гибкий график.
6. Возможность совмещать личную жизнь и работу.
7. Отсутствие территориальных ограничений в выборе работы.
8. Экономия времени на дорогу.
9. Возможность работать при вынужденном домашнем режиме.

В соответствии с тем, как распределились приоритеты группы, можно предположить, что существенными факторами удовлетворенности работой для дистанционного работника служат независимость, стремление работать на себя, возможность совмещать работу, реализовать возможности.

Анкетирование позволило выявить наиболее существенные факторы, затрудняющие деятельность телеработников. Эти факторы могут быть рассмотрены в качестве психологических стресс-факторов. Из полученных результатов видно, что мужчины больше обес-

покоены тем, что увеличилось время, занятое работой. Это согласуется с полученными при анкетировании результатами – у мужчин больше рабочих дней в неделю и более продолжительный рабочий день. Для женщин более значимым является фактор разграничения личной жизни и работы. Очевидно, это можно объяснить семейным положением опрошенных женщин – телеработников. Отсутствие непосредственного взаимодействия с коллективом приводит к тому, что женщины больше, чем мужчины чувствуют себя в изоляции, однако недостаток общения женщины ощущают в меньшей степени, чем мужчины, видимо, восполняя потребность в общении вне сферы профессиональной деятельности.

Фактор отношения семьи к работе дома больше значим для женщин – непривычность дистанционной формы работы, возможно, приводит к тому, что члены семьи до конца не разделяют перспективы телеработы.

В меньшей степени опрошенных беспокоят отвлекающие факторы дома, расходы на оборудование и связь, неясность статуса и отсутствие социальных и юридических гарантий. Однако отметим, что женщины больше озабочены наличием официального статуса, чем мужчины. Дополнительно телеработники предложили утверждения: неудовлетворительное качество связи (телефон, Интернет); зависимость от жилищно-коммунальных служб (отсутствие отопления, отключения электроэнергии в жилом фонде); невозможность организовать деловую встречу (дома).

Итак, посредством анкетирования были рассмотрены социально-демографические аспекты деятельности телеработника и выявлены специфические характеристики его деятельности: сфера деятельности, стаж дистанционной работы, предпочитаемый режим, наличие причин, вынуждающих к дистанционной работе, особенности коммуникации телеработника, способы осуществления контроля за его деятельностью, а также приведена оценка производительности и эффективности использования опрошенными работниками рабочего времени после перехода к телеработе. Нами были получены сведения об уровне доходов, о специфике использования оборудования и оплаты расходов, мнения телеработников относительно качеств, влияющих на успешность их дистанционной деятельности. Таким образом, на основании анализа факторов деятельности телеработников можно предположить, в каком направлении необходимо осуществлять поиск решений для преодоления трудностей, связанных с дистанционным характером деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рихтер Дж. Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. М.: Питер, 2002.
2. Ильин А. В. Телеработа как новая форма деятельности в информационном обществе //Изв. СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Сер. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 2. С. 35.

A. V. Ilyin

TELEWORKERS – SOCIAL-DEMOGRAPHIC PORTRAIT

Research of teleworker's social portrait was devoted to questions of social, demographic and psychological questions of this brand new category of workers in Russia.

Telework, teleworker, information technology , distance work

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ

Рассмотрены объективные причины, предопределившие формирование в России «социального дна», в состав которого входят бездомные бродяги. Решение проблемы бродяжничества и попрошайничества в широком смысле слова связывается с достижением стратегических задач по стабилизации положения в стране, в узком – предполагает экстренную помощь людям, оказавшимся в экстремальной жизненной ситуации. Российская система социального контроля должна опираться на отечественные традиции оказания помощи бездомным и опыт зарубежных стран.

Девиантное поведение, маргинализация, бродяжничество, бездомность, социальное исключение, «социальное дно»

Рост бродяжничества, бездомности в России явился следствием либерально-демократических реформ, которые повлекли за собой издержки, связанные с углублением социальных противоречий между общественными группами, что привело к усилению процессов люмпенизации и социального исключения слабых групп населения и к значительному расширению «социального дна». По мнению Н. М. Римашевской, на «социальном дне» находятся 10,8 млн человек. В этот состав входят 3,4 млн нищих; 3,3 млн бездомных бродяг; 2,8 млн беспризорных детей; 1,3 млн уличных проституток [1]. Т. И. Заславская полагает, что «социальное дно» в России охватывает 5 % населения, в маргинальную группу входит примерно 3 млн алкоголиков и наркоманов, около 2 млн нищих, бомжей, проституток, беспризорных [2]. О. Б. Милушкина, ссылаясь на оценку ряда экспертов, приводит цифру 4 млн человек [3].

Судить о масштабах распространения бродяжничества в России трудно потому, что с 1990 г. в стране был прекращен их централизованный учет. Госкомстат учитывал только оседлое население, поэтому в статистических данных отсутствовали сведения о бездомных. Ведомственные (милицейские, медицинские) статистические данные, а также отдельные исследования, проводимые как государственными структурами, так и общественными организациями, не дают всеобъемлющей картины. Эта ситуация обуславливает наличие противоречивых оценок их численности. России предстоит создать эффективную систему социального контроля, обеспечивающую профилактику и минимизацию масштабов распространения бездомности. Решение проблемы должно основываться на исторических традициях оказания помощи бездомным в России и на освоении теоретического и практического зарубежного опыта.

В настоящее время во Франции, Италии, Великобритании, Венгрии, США действуют крупные организации, отстаивающие интересы бездомных. В 1989 г. была создана Европейская федерация национальных организаций (FEANTSA), борющихся с проблемами бездомности, в которую вошли 74 организации из стран Европейского Союза, Центральной и Восточной Европы, США. Рост социальной активности борцов с бездомностью обусловлен как расширением масштабов бездомности, так и изменением точки зрения на ее причины.

В 30–70-х гг. XX в. было распространено мнение о том, что бездомность обусловлена преимущественно субъективными факторами. Бродяги рассматривались как неадекватно социализированные индивиды, изолировавшиеся от большого общества (Э. Сазерленд, Г. Локк, Г. Бар, Т. Капlou, Б. Левинсон, Д. Питтман, К. Гордон). В 80-е гг. армия бездомных бродяг увеличилась за счет людей, потерявших жилье и работу в условиях экономического кризиса. Процесс нисходящей социальной мобильности исследователи Дж. Райт, П. Росси и другие связывали с наличием у индивидов специфических качеств (алкоголизм, психические проблемы, плохое физическое здоровье, наличие в прошлом судимости), которые не позволяли им нормально функционировать в обществе. Тем самым сторонники субъективистского подхода прививали в обществе взгляд, согласно которому бездомные бродяги рассматривались как «нечестные бедные», виноватые в том положении, в котором они оказались. На практике это привело к тому, что власть и общество пассивно относились к вопросам организации помощи бездомным, ссылаясь на личный характер возникающих проблем.

В 90-е гг. в связи с глобализацией были установлены новые факторы, влияющие на процесс возникновения бездомности [4]. Это заставило общество осознать наличие объективных причин, обуславливающих маргинализацию определенной части населения.

Несмотря на политические, экономические и культурные особенности развития стран, в их борьбе с бездомностью можно выделить ряд общих направлений деятельности. Так, первоначально выход усматривался в организации экстренной поддержки нуждающихся. При этом основные ресурсы направлялись на создание чрезвычайных убежищ и банков продовольствия. Созданием банков продовольствия занимались многочисленные субъекты, такие как местные органы власти, общественные и добровольные агентства, получающие правительственное финансирование, церковь, группы добровольцев. Продовольствие поступало от индивидуальных жертвователей, фермеров, от изготовителей продукции, торгующих организаций, учреждений, где происходило массовое потребление пищевой продукции (гостиницы, рестораны, кафе). В банки продовольствия направлялись товары, у которых подходил к концу срок реализации, либо просроченные продукты. При этом поставщики продовольствия несли ответственность в случае, если потребители гуманитарной помощи заболели от недоброкачественной продукции. По этой причине ассортимент продовольствия был ограничен консервами и другими нескорпортующимися изделиями. Такие продукты как мясо, рыба, молочные продукты не поступали в банки продовольствия.

Сложность в организации продуктовой помощи была сопряжена с тем, что она должна была осуществляться непрерывно, в то время как поступление продуктов носило несистематический характер, и добровольцы не могли работать на постоянной основе. Кроме того, создание банков продовольствия не уничтожало причину положения бездомного, хотя рассматриваемый вид помощи крайне необходим тем, кто находится в критической ситуации и лишен выбора.

В большинстве крупных городов создавались убежища. Для этого использовались пустующие производственные помещения, бывшие склады, спальные вагоны. Первоначально убежища были предназначены для того, чтобы убрать людей с улиц и предоставить им возможность укрыться в холодные зимние ночи. В настоящее время они функ-

ционируют круглогодично. Срок пребывания в убежище ограничен. Однако в настоящее время для молодых людей, особенно имеющих проблемы с физическим, психическим здоровьем, пребывание в убежище становится постоянной формой жилья.

Организация чрезвычайных убежищ выявила ряд проблем: отсутствие семейных комнат или ночлежек вело к тому, что члены семьи бездомных были вынуждены разъединяться. Кроме того, сосредоточение в одном месте убежища, пункта обеспечения продуктами питания, услуг воспринималось людьми, как нечто обязательное, навязанное. В дальнейшем размещение и предоставление услуг были разделены, причем услуги предоставлялись только тем, кто их требовал. Первоначально убежища размещались в центральных районах города, в настоящее время они располагаются на периферии, что натывает на сопротивление населения. Жители окраин протестуют, если поблизости от их жилища планируется возведение объектов для бездомных, так как они чувствуют, что приток бездомных людей может создать угрозу для их собственности и безопасности. Организация чрезвычайных убежищ зависит от наличия ресурсов. В США две трети эксплуатационных расходов чрезвычайных убежищ обеспечиваются за счет правительственных средств, остальные средства поступают от местных органов власти и частных источников.

Помимо организации чрезвычайных убежищ создаются места дневного пребывания, где бездомные могут найти приют. Они дают возможность бездомному погреться, укрыться от непогоды, недорого купить бутерброды, кофе. В некоторых местах пребывания пища, одежда предлагаются бесплатно. Кроме того, желающих информируют о возможности получить медицинскую и социальную помощь, а также воспользоваться телефоном и почтовым адресом, по которому они могли бы получать корреспонденцию. Организация подобных пунктов позволяет бездомным справляться с эффектом социальной изоляции.

Опыт европейских стран, США, Канады показал, что оказание экстренной помощи не способствует решению проблемы бездомности, так как очередь в открываемые учреждения не уменьшается, а размещаемый контингент становится практически постоянным. Пребывание в убежище имеет стигматизирующий характер и усиливает социальную изоляцию. Средства, выделяемые сотрудникам социальных служб, работающим на профессиональной основе, обуславливают их заинтересованность в сохранении высокого уровня бездомности. Все перечисленное служит толчком к поиску новых путей в решении проблемы бездомности.

В 90-е гг. наметилась тенденция к организации небольших убежищ, существующих на комбинированные средства, выделяемые правительством, общественными фондами, частными лицами. Убежища могут быть подразделены на два типа – кратковременные и долгосрочные. *Кратковременные убежища* призваны обеспечить размещение определенных категорий нуждающихся (жертв домашнего насилия, женщин с детьми, инвалидов) до решения вопроса об их последующем размещении. *Долгосрочные убежища* рассчитаны на пребывание бездомных от шести месяцев до двух лет. Они призваны помочь бездомным спланировать свое будущее и подготовиться к нему. Преимущества этого типа убежища заключаются в том, что оно создает безопасную окружающую среду, а также предлагает всесторонние программы и услуги (информационные центры, образовательные программы, помощь в поиске работы, оздоровительные программы).

Разновидностью долгосрочных убежищ являются специализированные *транзитные убежища*, оказывающие специальные услуги тем, кто вышел из центров детоксикации, психиатрических учреждений, тюрем. В подобных убежищах установлены правила проживания, нарушение которых чревато выселением. Одновременно в подобном доме проживает пять или более человек. Каждый имеет личную спальню, все остальное пространство дома используется сообща. В транзитных убежищах для алкоголиков и наркоманов, окончивших курс лечения, осуществляются реабилитационные мероприятия, восстанавливаются утраченные навыки социального проживания. Значительное внимание уделяется открытию специализированных транзитных убежищ для бездомных, больных СПИДом, которые имеют повышенную степень защиты в виде стальных дверей, для того чтобы обеспечить безопасность и уменьшить напряжение проживающих.

Однако временное жилье не обладает социальными, эмоциональными, психологическими признаками реального дома. Предоставление бездомным краткосрочного жилья не снимает с повестки дня основную проблему – обеспечение возможности иметь постоянное жилье, отвечающее таким стандартам как доступность, пригодность, безопасность, независимость пользователя, приемлемость по срокам пребывания. Сложность проблемы заключается в том, что ограничиться типовым вариантом решения невозможно, так как состав лиц без определенного места жительства крайне разнообразен. Он включает как одиноких, так и семейных людей; инвалидов; лиц, имеющих алкогольную либо наркотическую зависимость; больных СПИДом; лиц, имеющих отклонения в уровне психического здоровья. Это предопределило опробование многообразных вариантов размещения на постоянной основе. Были открыты общежития открытого доступа, в которых бездомному предоставляли койко-место, арендную плату за которое вносило правительство. Для постоянного размещения бездомных были открыты гостиницы, в которых они могли снять меблированную комнату на условиях недельной оплаты. Для частичного погашения арендной платы бездомным выдавался ваучер. Для бездомных семей местные власти заказывали гостиницы, в которых бездомным предоставляли комнату и завтрак. Размещение в гостиницах и общежитиях с целью постоянного проживания давало возможность людям иметь постоянный адрес, что повышало их шансы при трудоустройстве.

Для открытия гостиниц местные власти предоставляли строительным компаниям налоговые льготы, свободную либо недостаточно используемую общественную землю. Особенно поощрялось строительство высотных гостиниц. Ассоциации арендодателей стремились приобретать пустующие здания, жилье с целью открытия гостиниц. Некоторые некоммерческие организации приобретали гостиницы и потом получали фонды от государства на размещение бездомных. Сложность, с которой столкнулись власти на этом пути, заключалась в том, что изначально не были созданы правовые документы, регламентирующие законы арендуемой комнаты, механизм выселения, регулирование величины арендной платы.

Осуществлялась реконструкция ветхого, заброшенного жилья в старых районах города в ходе общественных работ, в которых принимали участие бездомные. В некоторых случаях реконструкция происходила с привлечением частичного финансирования от общественного сектора, кроме того, на восстановление жилья предоставлялись ссуды.

В Канаде значительное развитие получило возведение жилья силами бездомных. По всей стране были организованы курсы, на которых люди получали необходимую информацию и осваивали практические навыки строительства. Всем желающим заняться самовозведением жилья гарантировалась техническая помощь и финансовая поддержка от разнообразных источников (правительственных субсидий, строительных кооперативов и ассоциаций размещения, общественных или частных источников). При строительстве дешевого, небольшого по площади жилья было разрешено нарушить принятые в стране стандарты строительства и размещения. Этот путь хорошо зарекомендовал себя в условиях сельской местности, где имелась масса пустующего или брошенного жилья, где можно было опереться на соседскую помощь на условиях обмена услугами, где правительственные ограничения были минимальными. В городе эта форма была признана малоперспективной из-за высокой стоимости земли, материалов, ограничений со стороны властной бюрократии.

Для устранения бездомности среди пожилых людей была опробована такая форма, как аренда комнаты у одиноких пожилых людей в пределах частного дома, при условии предоставления ухода за ними. Эта схема позволяла, с одной стороны, пожилым людям проводить остаток жизни в собственном доме, в привычной обстановке, а с другой стороны, позволяла увеличить использование существующего жилья, сократить расходы на строительство убежищ и интернатов для одиноких престарелых граждан. Проблемы, возникшие в этом направлении, были связаны с тем, что оказалось трудно найти бездомных людей, которые желали бы оказывать услуги пожилым домовладельцам, имеющим плохое здоровье. Кроме того, домовладельцы сталкивались с дискомфортом от постоянного присутствия в доме постороннего человека. Зачастую ожидания сторон не оправдывались, что приводило к расторжению сделки через небольшой промежуток времени.

Для постоянного размещения бездомных был использован и такой способ, как аренда за минимальную плату частного разрушающегося дома на срок от одного года до пяти лет, при условии ремонта дома. Практика показала, что арендные договоры нередко продлевались, если владельцы дома убеждались в том, что жилье поддерживается в хорошем состоянии.

Таким образом, в развитых странах считается, что каждый гражданин имеет право жить на уровне минимально гарантированных обществом стандартов. Обязанность государства заключается в том, чтобы при согласовании представлений о том, каковы эти минимальные стандарты, принять все меры для их поддержания. Для решения этой задачи государство активно взаимодействует с регионами, передавая им часть функций, а также привлекает к решению проблемы общественные организации, которым оказывает финансовую помощь. На решение таких вопросов как развертывание программ помощи, оказание поддержки в решении жилищной проблемы, определение доли бюджета, которую следует направлять на решение социальных вопросов, оказывает влияние уровень толерантности населения в отношении маргинальных групп населения. Система помощи указанной категории населения предполагает создание сети учреждений оказания экстренной помощи и учреждений, занимающихся проведением реабилитационных мероприятий. Для успешной интеграции бездомного человека в общество требуется решение таких ключевых проблем, как обеспечение жильем и работой, причем обеспечение жильем тех, кто не имеет или утратил его, представляется наиболее сложной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 39.
2. Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки сегодня. 2004. № 6. С. 7.
3. Милушкина О. Б. Социологический анализ девиантного поведения как объект социальной работы на примере бездомных: Дисс.... канд. соц. наук. / Морской технический университет. СПб., 2001. С. 86.
4. Лиходей О. А. Занятость, бедность, бездомность в условиях глобализации // I Всерос. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2004: Российское общество и вызовы глобализации»: Тез. докл. Т. 1. М.: Альфа-М, 2004. С. 323–326.

O. Likhodey, N. Krulova

THE CONCEPTION MODELS OF RENDERING ASSISTANCE TO THE HOMELESS

The article considers some objective reasons of formation a vast social bottom, which includes homeless vagrants. The solving of the problem of homeless vagrants is connected with strategic tasks of stabilization in the country, literally, it means a urgent help for those who found themselves in an extreme situation. The Russian system of social control should be based on historical traditions of rendering assistance to the homeless and foreign countries experience.

Deviant behaviour, marginality, vagrancy, homelessness, «social bottom», social exclusion

УДК 240

И. В. Раковский, А. И. Денисов

ОПТИМИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ ПО КРИТЕРИЮ УМЕНЬШЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ КОРРУПЦИИ

Обобщаются такие основные понятия, как «организационная структура местного самоуправления», «организационное проектирование в местном самоуправлении», «местные сообщества», «повышение демократичности муниципальной власти», «оценка оптимальности структуры местного самоуправления». На основании рассмотрения данных понятий и анализа практического опыта реорганизации структур местного самоуправления предлагаются конкретные способы организационной минимизации возможностей для коррупции при осуществлении местного самоуправления.

Местное самоуправление, муниципальные структуры, оптимизация, коррупция

Эффективность функционирования системы местного самоуправления в значительной мере зависит от деятельности местной администрации. Стратегическая роль и функция обеспечения демократических основ местного самоуправления больше свойственна представительному органу. Однако в русле практических традиций рутинного общения населения и власти первичная роль пока отводится исполнительным органам – муниципальным администрациям. В их обязанности входят основные заботы по оказанию важнейших муниципальных услуг населению по функционированию и развитию инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, по эффективному использованию местных экономических ресурсов, по формированию и исполнению бюджета. Естественно, что все эти функции должны быть пронизаны общим системным фактором демократичности – работа администрации в перечисленных сферах должна строиться на максимальном учете

мнений местных сообществ и отдельных активных жителей муниципального образования. В конечном итоге, уровень работы местной администрации существенно влияет на качество жизни населения муниципального образования.

В свою очередь, эффективность работы администрации во многом определяется ее организационной структурой. Можно сразу отметить, что эффективность структурного построения администрации оценивается как по критерию управленческой целесообразности, так и по критерию целесообразности самоуправленческой, демократической.

Тема структурных реорганизаций не относится к самым популярным в распространенной повестке дня в местном самоуправлении Российской Федерации. Этому есть несколько причин. Основная из них заключается в том, что Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г. явно недооценивал управленческий аспект местного самоуправления как системы публичной власти. В настоящей статье уже отмечалось, что согласно этому закону обязательным в структуре органов местного самоуправления является лишь представительный орган и может быть (но не обязательно) предусмотрена должность главы муниципального образования. Иные органы местного самоуправления конкретно не перечисляются и могут быть предусмотрены уставом муниципального образования. В новой редакции данного закона наличие местной администрации как исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления является обязательным. Администрация является юридическим лицом. Местной администрацией руководит на принципах единоначалия ее глава, которым может быть либо глава муниципального образования, избираемый населением, либо лицо, назначаемое представительным органом на конкурсной основе.

Организационную структуру можно рассматривать как форму разделения и кооперации управленческой деятельности, в рамках которой происходит процесс управления, направленный на достижение намеченных целей. Одна из особенностей органа местного самоуправления, в отличие от управленческих структур корпоративных организаций, состоит в его приближенности к населению, в необходимости постоянного взаимодействия с различными местными сообществами, учете их интересов при принятии управленческих решений. Другое отличие состоит в том, что муниципалитет, будучи органом публичной власти, в принципе является организацией с некоммерческим целеполаганием, и поэтому максимум доходов бюджета не может быть его целью. Эти особенности предъявляют определенные требования не только к стилю работы местной администрации, но и к построению ее организационной структуры, в частности, к достаточно строгому разделению управленческих и хозяйственных функций.

Реальная муниципальная практика основывается чаще всего на чисто эмпирических подходах. В настоящее время почти каждый глава администрации, приступая к исполнению своих обязанностей после победы на выборах или назначения, реформирует действующую до него организационную структуру. При этом он исходит из своих субъективных представлений о ее рациональности, учитывает собственный опыт работы и квалификацию (гуманитарий, экономист, коммунальщик, строитель и т. д.), оценивает известный ему кадровый потенциал города, работающий или возможный для привлечения на муни-

ципальную службу. Локальные реорганизации в отдельных структурных подразделениях и уровнях управления администраций происходят довольно часто.

Применение комплекса методов организационного проектирования позволяет:

- сформировать иерархическую систему целей и задач;
- выделить организационно обособленные блоки и подразделения проектируемого органа, ориентированные на обеспечение достижения целей и задач определенного уровня;
- рационально распределить полномочия и ответственность, функции и управленческие действия между уровнями и структурными подразделениями в администрации муниципального образования;
- определить отношения проектируемой структуры администрации муниципального образования, ее подразделений с внешней средой;
- выбрать из нескольких вариантов организационных решений наиболее оптимальное для достижения целей и задач, стоящих перед администрацией муниципального образования.

Процесс реорганизации системы муниципального управления можно упрощенно представить в виде шести этапов:

- 1) анализ структуры управления;
- 2) формирование целей и задач (структуризация);
- 3) формирование структурных подразделений администрации;
- 4) согласование целей, задач, функций выбранных структурных подразделений;
- 5) формирование организационной структуры управления администрации;
- 6) построение и внедрение новой организационной структуры.

• Первый этап представляет собой общий анализ структуры управления администрации муниципального образования. В соответствии с общими принципами управления, целями и задачами муниципального управления, особенностями исследуемой администрации, условий и факторов, отражающих требования к организационным структурам управления, определяется наиболее общая схема исследуемой организационной структуры, основные и крупные функциональные и линейные блоки и конфигурация (тип) оргструктуры, а также выявляется определенное множество выполняемых исследуемой администрацией функций. Обследование и диагностика относятся к наиболее распространенным инструментам работ по оптимизации управления. За счет обследования действующей схемы функционирования организационной структуры происходит проникновение внутрь организации с целью составить собственное представление об основных параметрах деятельности организации, оценить ее эффективность.

• Вторым этапом в организационном проектировании выступает выработка и формирование (структуризация) объективно обусловленной и научно обоснованной системы целей и задач администрации муниципального образования. Исходной информацией для этого этапа является перечень целей, задач и хозяйственных функций, законодательно закрепленных за муниципальным уровнем управления, а также перечень тех целей, задач и хозяйственных функций, которые, по мнению разработчиков, целесообразно выполнять на муниципальном уровне управления.

- Значительное внимание необходимо уделить третьему этапу, который представляет собой формирование структурных подразделений администрации муниципального образования. Часто это делается путем экспертного отбора организационных форм и структурных подразделений, входящих в схожие структуры управления администраций муниципальных образований. При таком экспертном отборе важно обоснованно выбирать администрации – аналоги, а выбранные организационные формы и подразделения должны быть вариантными и корректируемыми. В качестве исходных материалов в этом случае выступают разнообразные структуры управления администраций муниципальных образований (причем необходимо широкое использование как отечественного, так и зарубежного опыта), типовые структуры управления, а также условия и факторы, определяющие требования, предъявляемые к организационным структурам.

- Четвертый этап оптимизации организационной структуры органов местного самоуправления представляет собой процесс согласования структурированных целей (задач, хозяйственных функций) с выбранными организационными формами и структурными подразделениями. Для каждого уровня целей (задач или хозяйственных функций) определяются соответствующие организационные формы и структурные подразделения. На этом этапе организационного проектирования строится матрица, где, с одной стороны, будут зафиксированы цели (задачи или функции) определенного уровня и, с другой стороны, призванные выполнять их организационные формы и структурные подразделения. Внутри данной матрицы рассматривается участие каждого структурного подразделения через придание ему определенных управленческих действий в реализации каждой выделенной цели (задачи или функции). Столбцы такой матрицы в результате заполнения будут характеризовать степень участия каждого структурного подразделения в выполнении выделенных целей (задач или функций).

- На пятом этапе проектирования организационной структуры управления администрации муниципального образования определяются ресурсные потоки между администрацией и внешней средой, а также внутри администрации. Наличие, направленность, величина и распределение ресурсных потоков выступают важными характеристиками управляемости администрации, степени ее самостоятельности в принятии управленческих решений, рациональности связей между структурными подразделениями администрации. Администрация в целом, ее структурные подразделения исследуются на наличие информационных, материальных и финансовых связей с внешней средой, к которой относятся органы власти и управления федерального уровня, субъекта федерации, в составе которого находится муниципальное образование, других муниципальных образований, хозяйствующие субъекты, расположенные на территории муниципального образования, население муниципального образования. Кроме того, исследуются ресурсные потоки между структурными подразделениями администрации, где первостепенное значение имеют информационные потоки, основную часть которых составляют потоки документов.

- Шестой этап является заключительным в построении организационной структуры управления администрации муниципального образования. На основе полученных на предшествующих этапах результатов формируется в окончательном виде оргструктура

управления администрации, дается характеристика каждого структурного подразделения и разрабатываются положения по каждому из них. Важность данного этапа заключается в том, как правильно, рационально с точки зрения муниципального менеджмента и без ущерба для мотивации муниципальных служащих внедрить в текущую практику новую структуру. Следует отметить, что новая структура считается внедренной после принятия соответствующих изменений в устав муниципального образования, их регистрации представительным органом субъекта Федерации (на предмет соответствия действующему законодательству) и утверждения распределения основных обязанностей между главой самоуправления муниципального образования и его заместителями, положений о структурных подразделениях, а также должностных инструкций.

На всех этапах реорганизации необходимо учитывать также критерий уменьшения возможностей для коррупции, что позволит подойти к искоренению этого понятия системно и последовательно.

Основной целью местного самоуправления является самоорганизация населения, учет мнения местных сообществ при решении вопросов местного значения, а также организационное обеспечение права любого гражданина муниципального образования реализовать свои соответствующие слова. С этой точки зрения оптимальной необходимо считать организационную структуру муниципального органа управления, которая позволяет максимально учитывать мнение местных сообществ при решении проблем, отнесенных к компетенции местного самоуправления. Но реальная жизнь муниципальных образований в Российской Федерации далека от состояния исключительной озабоченности только проблемами демократизации отношений на местном уровне. Естественно, что подавляющее большинство российских муниципальных менеджеров в основной повестке дня имеют вопросы социально-экономического характера, прежде всего, текущее обеспечение работы коммунальных, социальных и иных систем городской или районной инфраструктуры. В этих условиях необходимо изменить и подход к оценке оптимальности структуры исполнительного органа местного самоуправления. Не умаляя значимости демократических ценностей местного самоуправления, нужно оценивать структуру с позиций рационального управления, правильного целеполагания, эффективного разделения уровней и зон функциональной компетенции. С этой точки зрения необходимо подходить к оценке оптимальности структуры с позиций двух уровней:

1) демократического (по критериям организационного обеспечения демократических процедур допуска местных сообществ и отдельных граждан к принятию решений по местным проблемам и функциям, отнесенным законодательством к компетенции местного самоуправления);

2) управленческого (со всем спектром содержащихся внутри критериев из области теории организации, менеджмента, экономики и финансов).

Таким образом, по критериям этих двух групп и следует оценивать оптимальность структуры муниципального органа управления, а также организовывать его оптимизацию в случае отклонения значения отдельных из них от желаемого показателя. Критерий уменьшения возможностей для коррупции необходимо, по мнению авторов, разделить

между демократическим и управленческим. Нам известно о той роли в борьбе с коррупцией, которую играют формы реализации гражданского общества, т. е. увеличение количества процедур, которые несут демократическое содержание в местное самоуправление, всегда повлияет на уменьшение возможностей для коррупции.

Говоря о втором критерии – управленческом, можно отметить, что резерв уменьшения возможностей для коррупции лежит в применении современных менеджерских инструментов: исследовании управленческих процедур, лучшем согласовании исполнения муниципальных функций, четком прописывании регламентов исполнения муниципальных полномочий.

Если упоминать конкретные инструменты уменьшения возможностей для коррупции, надо отметить следующие виды деятельности:

- введение принципа «одного окна» для процедур получения согласований;
- увеличение количества и роли коллегиальных органов в муниципальном управлении;
- проведение объективной аттестации муниципальных служащих;
- полное решение проблемы дублирования функций в муниципалитетах;
- «менеджеризация» муниципальной службы, т. е. применение методов и инструментов корпоративного менеджмента в муниципальной службе;
- организационное решение проблемы неотвратимости и объективности ответственности муниципальных служащих;
- максимальное использование подробных регламентов в процессе муниципальной службы по аналогии с описанием бизнес-процессов, принятым в корпоративном менеджменте.

I. V. Rakovskiy, A. I. Denisov

OPTIMIZATION OF MUNICIPAL MANAGEMENT STRUCTURES ACCORDING TO THE CRITERION OF CORRUPTION POSSIBILITIES MINIMIZATION

Such basic concepts as “organizational structure of local self-management”, “Organizational design in local self-management”, “local communities”, “improvement of municipal power democracy”, “estimation of optimal structure of local management” are generalized. On the basis of this concepts and analysis of practical experience of structure reorganization of local management particular ways of organizational minimization for corruption possibilities are proposed when realizing local management.

Local management, municipal structures, optimization, corruption

СЕМИОТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Анализ знаковой системы культуры, поведенческих символов. Повседневный мир, в котором протекает жизнедеятельность человека, как определенная знаковая модель, возникающая, существующая и исчезающая в рамках всеохватывающего процесса взаимодействия, сохранения и поддержания культуры.

Антропология, знак, деконструкция, культура, повседневность, символический код

Изучение повседневности в отечественной культуре в последнее время начинает включаться в проблемное поле философии. Такой процесс не случаен. Современный человек ведет иной образ жизни, чем люди, которые жили до XX века. Динамика нашей жизни такова, что система поведения, ценности, идеалы, которые господствовали в культуре десятилетиями и столетиями, изменяются на глазах одного поколения. Существовавшие традиционные связи перестают отвечать потребностям современной социокультурной среды. Новые модели, поведенческие образцы, ценности, стили «обрушиваются» на человека, который не всегда успевает их осмыслить и оценить. СМИ, реклама, мода в современном мире становятся структурами, которые управляют человеком, формируют новую знаковую систему, иные каноны половой дифференциации.

Проблемы, связанные с изучением человека, его жизнедеятельности в повседневном мире, становятся актуальными в системе философских исследований. Одна из черт современного понимания человека связана с критикой рационализма. Однако проблема создания целостных представлений о человеке остается, в значительной мере, нереализованной. Жизнь людей в современной философии представлена как тотальное производство. «Повсюду – машины, и вовсе не в переносном смысле: машины машин, с их сцеплениями и соединениями» [1, с. 7]. Машину жизни поддерживает в движении бинарный режим функционирования объектов. Человек в этом потоке выступает управляемым винтиком. Власть производит и навязывает человеку желания, образ жизни, формы поведения. Со временем они перемещаются в плоскость обозначения вместо реальности. Символизация желаний приводит к расчленению живого тела культуры. В современной цивилизации власть при помощи формирования культурных норм, идеалов «из людей или из их органов делает кусочки и винтики социального механизма. Знак – есть позиция желания, но первые знаки, территориальные знаки, вонзают в тело свои знамена» [2, с. 107]. Поведение человека, его тело – всего лишь знак, показывающий его принадлежность к определенной социокультурной группе.

Повседневный мир, в котором протекает жизнедеятельность человека, можно представить в виде определенной знаковой модели, которая возникает, существует и исчезает в рамках всеохватывающего процесса взаимодействия, сохранения и поддержания культуры. Сам процесс развития и функционирования культуры – это создание, функциониро-

вание и умирание различных знаковых систем. Всякая культура обладает своим набором скрытых механизмов, обеспечивающих ее существование в определенном регионе. Эти механизмы называются «скрытыми» вследствие того, что посторонний наблюдатель не сможет о них узнать посредством языковых способов (точнее – посредством только языковых способов). Причастность к этим «интимным» механизмам обеспечивается тем сложнейшим комплексом внутренних представлений и внешних оптико-акустических средств, который можно условно обозначить термином «символический аппарат». Дешифровка данных символов связана с раскрытием семантики закодированных в культуре определенных символов. Это можно проиллюстрировать рассмотрением разнообразных поведенческих символов (улыбка, смех, приветствие и т. д.) в различных культурах или в разные исторические периоды. Повседневное поведение вне культурно-этнических традиций, которые служат ее кодово-смысловым основанием «не будет осмысленным... всякая попытка применить другой код представляет это поведение “бессмысленным”, “абсурдным”, “лишенным логики”» [3, с. 32].

Человек включается в уже существующую систему знаков, которые усваиваются в процессе социализации. С помощью знаков, передаваемых архетипически и вводимых начиная с рождения, коллектив организует внутренний мир личности и ее поведение. Система знаков усваивается поколением в процессе социально необходимой деятельности. Через систему норм, половую, возрастную и иные дифференциации индивид получает представления о правилах жизнедеятельности, которым необходимо следовать. Вхождение в культурное пространство осуществляется посредством включения во множество функционирующих в нем знаковых «сетей». Человек не просто воспринимает конкретные нормы, но при помощи наследуемых программ социально значимой деятельности воздействует на окружающий мир. В процессе жизнедеятельности он еще создает новые знаки и знаковые системы.

Человек как носитель определенной культуры не существует вне разветвленной, всеохватывающей системы знаков. Они помогают в организации хаотического материала, превращая его в своеобразные тексты. Наличие готовых семиотических образцов избавляет человека от необходимости конструировать каждый раз схемы своей деятельности. Разнообразие семиотических знаков обеспечивает возможность выбора наиболее подходящего образца. С их помощью человек конкретизирует и типизирует не только поведение в целом, но и социальные роли партнеров. Традиционная информация, заложенная в таких моделях, ориентирована на само поддержание системы. Она не всегда правильно оценивает реальность, но, даже составленная из искаженных представлений, удовлетворительно выполняет свои функции.

Семиотизация формализует и систематизирует все многообразие вариантов поведения, что обеспечивает прогнозируемость человеческой деятельности, каждая сфера которой выдвигает свои требования к поведению, создает свои отличительные знаки.

Знаками в культуре могут выступать вещи, предметы, явления, события. Человек живет среди знаков: язык, религия, искусство, наука, техника, нормы поведения и т. д. Мир символических знаков опосредует отношение человека к окружающему миру. Э. Кассирер, вводя понятие человека как «*animal symbolicum*» (символическое животное), подчеркивал, что об-

щества в процессе своей жизнедеятельности формируют огромные количества знаков-символов, которые становятся специфическим миром, отдаляют человека от реальности, помещают его в «символическую Вселенную».

Однако еще раньше П. Флоренский отмечал огромную роль символов в культуре: «Символы – органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания» [4, с. 334]. Гносеологизм Э. Кассирера и онтологизм П. Флоренского объединяются в рассмотрении культуры как символического явления. В силу такой своей сущности культура неустранимо условна. Наличие условности определяет существование границ, которые разделяют тексты и реальность. Взаимодействие символических знаков порождает семиозис. Индивид воспринимает такую знаковую систему как внешний мир, не задумываясь о том, что центром пересечения символических знаков, циркулирующих текстов, является он сам. В процессе жизнедеятельности он усваивает данный и создает собственный неповторимый символический мир. Человек, вступая в отношение с миром, воспринимает его как систему символов, знаков.

В повседневной культуре знаки управляют поведением человека. Само существование личности становится процессом усвоения и создания новых систем знаков. В ходе семиотизации мир наделяется знаковыми функциями, и таким образом организуют семиотико-символическое пространство вещи. Развитие культуры можно охарактеризовать как семантическое обживание пространства. «Мир вещей – этот род книги, где каждый предмет метафизически рассказывает обо всех других; книга, по которой дети учатся читать мир, и она читается при участии всего тела, в и через движения и перемещения, которые в такой же мере формируют пространство вещей, в какой сами формируются пространством» [5, с. 241]. В каждом культурном космосе существует особое отношение к вещам. В нем присутствуют вещи-символы, несущие в себе важную информацию. Изначально они связывались с сакральными представлениями данной культуры. «...Через мир вещей и через человека пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов» [5, с. 242]. Культура выступает уже не гомогенным, а разнородным образованием с разной ценностью составляющих частей. Метрика семиотико-символического пространства задается иерархией ценностей, в соответствии с которой каждая вещь получает определенную оценку и занимает установленное место. Свойства пространства во многом зависят от наполняющих его вещей-знаков. Придание нового смысла вещи видоизменяет первоначальное пространство, и наоборот, изменение структуры места меняет смысл знака.

Человек наделяет знаковыми функциями не только окружающие предметы, свой язык, но и телесные проявления. Жест, поза в различных культурах, в разные исторические эпохи, трактовались по-разному. Вся система этикетных требований в первую очередь была направлена на усвоение телесных знаков. Они становились средствами постижения внешнего мира и регулирования общественной жизни. Картина мира конкретной культуры начинала восприниматься как система культурных текстов, которые человек учился дешифровать.

Организация мира повседневности содержит определенные маркированные признаки. Пространственный код образует топологические свойства семиотизированного пространства. От выбранного кода зависят семантическая однородность или неоднородность

пространственных структур. Система кодов устанавливает границы, разделяющие внутреннее и внешнее, свое и чужое. Всякий код представляет собой систему закономерных связей между несущим информацию выражением и передающими его знаками. В пространстве можно выделить: перцептивный код, который участвует в создании пространственных образов, предметный – формирует представления о функциях предмета, предметно-функциональный – оценивает не только предметы, но и природные объекты, социально-символический – может быть рассмотрен, как «вторичная знаковая система», которая переводится на вербальный язык.

В системе социально-символического кода вместе с индексальной, сигнальной и референтивной нужно выделять и фатическую функцию. Ее роль состоит в том, чтобы зафиксировать особенность индивидов как членов единой группы. В таком случае предметная форма в своей фатической функции становится тем вещественным паролем, по которому члены социокультурных групп устанавливают границу в системе «свои – чужие» (этикетные правила, интерьер жилища, внешний вид и т. д.).

Знак можно рассматривать как ключ к пониманию повседневной культуры. В любой социокультурной группе реакция на внешние стимулы (то, что А. Тойнби называл системой «вызов – ответ») не прямая, а опосредуемая культурными значениями и проявляется в системе знаков. В истории культуры можно проследить изменение роли знаковой системы в обществе. В средние века знак выступал как посредник между миром единичных происходящих вещей и явлений и вечным, неизменным миром Абсолюта, поэтому воспринимается как «знамение» последнего, т. е. как сакральный, символический. Он закреплял принадлежность субъекта социокультурной группе и давал ощущение защиты от врагов (зримых и незримых). При таком восприятии сакральный знак мог существовать только при условии символического единства и иерархичности мира. Особенно важное место в данной знаковой системе занимал внешний вид человека. Внешний вид становился знаком, показывающим положение человека в обществе. В результате, человек приобретал социальное тело. Большое внимание уделяли одежде как выражению местоположения человека в иерархической структуре. «Одежда точно указывала на социальную категорию, была настоящей униформой. Носить не ту одежду, которая подобала человеку по его положению, означало совершить грех гордыни или падения» [6, с. 334].

В русском повседневном мире можно отметить сходные тенденции. Социализация человека в Древней Руси в первую очередь осуществлялась через усвоение правил поведения, стандартов, существующих знаковых систем. Социальная принадлежность человека подчеркивалась, во-первых, материалом, из которого сделан предмет. Золотая, серебряная, а позднее – фарфоровая посуда была отличительным признаком знатных семей, в противоположность оловянной и глиняной – у низших. Расшитая и украшенная «драгоценными камнями» одежда также указывала на высокое положение ее владельца, во-вторых, величина предмета становилась метафорой силы, власти. Например, высота шапки у бояр и посадских людей в русском костюме XVII века была признаком их знатности и строго регламентировалась, так что по шапке можно было узнать происхождение человека. Отдельные части одежды наделялись специфическим сакральным смыслом, так, на-

пример, пояс в русской культуре считался предметом священным, так как он давался каждому при крещении. Особенно неприличным считалось молиться без пояса, обедать и спать. По народному поверью подпоясанного человека боится нечистая сила.

Большое внимание уделяли интерьеру, который выступал своеобразным знаком. В XVIII веке в русской аристократической среде гостиную украшали охотничьи картины, морские и садовые пейзажи. Показателем знатности считалось наличие картинной галереи, в которой висели: портреты царей, иных государей, фамильные портреты, по случаю рождения, свадьбы. Для купечества было характерно использование в интерьере массивной мебели, портретов предков, что должно было пробуждать чувства достатка, стабильности семьи.

В повседневной культуре формируются пространственные ареалы, с определенными системами норм. Выделяется «центр», закрепляющий бинарную систему «центр – периферия», которая получала определенную ценностную нагрузку, так как устанавливалось иерархическое разделение повседневности. Вертикальная ось обладала максимальной асимметрией в антропологической системе координат. Отношение «выше – ниже» абсолютизировало ценностные соотношения, в рамках которых складывалась система маркирующих знаков. По мере изменения общества, отхода от традиционного мировосприятия кодификация позволяет строить информационные модели среды. Мышление человека постоянно переводит информацию из формы пространственных образов в формы знаковых кодов и обратно.

Р. Барт, Ж. Лиотар подчеркивали, что между человеком и знаком происходит извечная борьба. Знак и реальность – исконно неадекватны, что порождает стремление человека изменить эту неадекватность. Соотнося знаки, в первую очередь, с языком, Р. Барт отмечал, что язык – это дом власти, который управляет человеком, а не дом Бытия, где он был бы хозяином. За пределы власти знаков нет выхода. Изменить существующее положение дел возможно только через деконструкцию текстов, т. е. изнутри.

Разрушение структуры пространства модерна, возникновение «прозрачных» границ культуры, создание всеохватывающих СМИ привели к усилению роли знаков. В современных обществах важны не индивидуальные черты, а умение правильно использовать знаково-символические системы. Знак становится цифровым языком общества. Именно такая система формирует множество символических текстов. В современном пространстве постмодерна отсутствует единый четко локализованный центр. В этом мире сосуществует множество пересекающихся культурных пространств. Именно на границе пересечения пространств создается динамика развития культуры. Плоскости пересечений, точки соприкосновения различных культур становятся центрами постмодернистской среды. Онтологический плюрализм вывел на первый план игру, создал множество разнообразных знаков. Человек в таком пространстве становится не столько создателем семиотических текстов, сколько образом, в котором осуществляется персонификация пространств повседневности. Индивид, сам получая систему знаков, пытается через них установить отношения между собой и окружающим миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Deleuze G., Guattari. *Kapitalisme et schizophrénie*. Paris, 1972. Т. 1.
2. Ильин И. П. Теория знака Ж. Деррида // Семиотика. Коммуникация. Стиль. М.: Наука, 1983.
3. Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры // Тр. по знаковым системам. Тарту. 1967. Вып. 198.
4. Флоренский П. Столп и утверждение истины // Соч. в 2 т. Т. 2 М.: Мысль, 1990.

5. Топоров В. Н. Образ, миф, символ. М.: Пресс-культура, 1995.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Наука, 1992.

A. W. Babaewa

SEMIOTICS DAILY

Analysis tokens system, behaviorist symbolic. Study «lebens welt» in frames process development culture.

Behaviorism, symbol, semiotic, cultura

УДК 17.022.1

С. В. Картошкина

ИМИДЖ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Обосновывается актуальность социально-философского анализа взаимодействия имиджа и социальной среды в современном обществе на основе междисциплинарного подхода с целью получения представления о сущности, механизмах и этапах этого процесса.

Имидж, социальная среда, образ, символ, интерпретация

В условиях рыночной экономики исследования различных аспектов формирования и управления имиджем все более актуальны. Понятие «имидж» вышло за рамки делового употребления и постепенно становится объектом изучения различных областей научного знания.

Имидж изучается с самых разнообразных точек зрения и позиций, что порождает определенные трудности в определениях. Сегодня возникла объективная необходимость в систематизации накопленных знаний и перехода к более глубокому философскому анализу феномена имиджа в связи с тем, что теоретическое обоснование категории имиджа отстало от практики его применения.

В современном обществе внутренний мир личности формируется на основе искусственных образов и представлений, за исключением явлений, которые познаются физически. Общество навязывает личности принятые представления и формирует в сознании стереотипы и символы, которые определяют мотивацию и поведение индивидуумов. Эти процессы обусловлены императивом принадлежности социальной группе, общности (в любой жизненной ситуации человек явно или неявно идентифицирует себя со своим кругом). Социальная деятельность человека отражается в контексте ее восприятия той социальной средой, в которой он находится. Образы, символы, представления проецируются также и на восприятие имиджа объектов.

Система символов каждого общества является основой его существования. Обыденные символы растворены в социальных действиях, явлениях, имеют вид конкретных, доступных для восприятия каждого человека образов, не требующих специальной интерпретации, что позволяет людям единообразно реагировать на социальные объекты, обеспечивает взаимопонимание, облегчает коммуникативные процессы.

По мнению Б. В. Маркова, нормы, верования, образцы поведения, речи, ритмы труда и отдыха образуют основу порядка как общественной, так и индивидуальной жизни человека. Эта повседневная система порядка не является неизменной, а эволюционирует в ходе общест-

венного прогресса. При этом возникают противоречия между традиционными ценностями и новыми формами жизни молодых поколений, которые также по-разному решаются в разных культурах [1]. Сегодня в России, в эпоху переоценки ценностей, одни и те же символы могут нести различную смысловую нагрузку. В связи с этим можно обнаружить значительные отличия в эпистемах не только разных социальных слоев, но даже в разных поколениях.

Человек соотносит объекты и явления с определенными образами-индикаторами, которые культивируются в данном обществе, социальной среде. Интерпретативная функция осуществляется в рамках повседневного общения, которое также основано на стереотипах. Стереотип в данном случае работает как дополнение. Образ собеседника или компании дополняется до стереотипа, уже имеющегося у общества. Так как имидж всегда существует в некоей социальной среде, он должен опираться на конкретную традицию, учитывать культурную мифологию.

Исследуя философию имиджа, следует отметить его неразрывную связь с мифом. Р. Барт определяет современный социальный миф как «псевдоприроду», «деполитизированное слово». Миф у Барта – это способ размышления о чем-то, способ концептуализации или понимания, цепочка связанных представлений [2]. Таким образом, миф приобретает фундаментальное значение, создавая гармоничную картину мира, воображаемую «природную» реальность. Существует мнение, что имидж является производным от мифа, пропущенным через сознание и чувство человека. Имидж, как и миф, не является чистой информацией, но он должен нести в себе элементы, которые будут воздействовать на мыслительную и чувственную сферы человеческого сознания и вызывать доверие. По мнению Ю. М. Романенко, миф изначально был и поныне является наукой «управления» воображением [3]. Свободная работа воображения позволяет создать новый образ путем искажения свойств, присоединения частей или свойств одного объекта другому.

Важно отметить, что основным показателем, свидетельствующим о знаке (положительном или отрицательном) имиджа социального объекта, является уровень доверия к нему. Доверие также представляет собой вид социальной установки, которая определяет характер действий по отношению к кому-либо или чему-либо. Так как имидж всегда существует в некоей социальной среде, он должен опираться на конкретную традицию, учитывать культурную мифологию.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все перечисленные категории – стереотипы, символы, эпистемы, интерпретация и категоризация – являются необходимым условием существования человека в социуме, они обеспечивают понимание между людьми, способствуют решению проблемы выбора. Они исключительно важны для понимания философии имиджа и также становятся базисом для построения имиджа политических лидеров, корпоративного имиджа организаций, имиджа товара и т. д. Имидж всегда социально обусловлен, оказывает активное воздействие на общественное мнение, кардинально влияет на результаты деловой активности. Имидж представляет собой вид социальной установки и по своей сути близок к социальному стереотипу.

Чем более рыночными становятся отношения, тем больше индивидуальности они требуют от каждого элемента системы. В связи с этим возрастает потребность в неповторимом имидже, который будет отвечать интересам своей социальной среды. В то же вре-

мя оригинальность должна сочетаться со стереотипами. Создавая индивидуальный образ, человек или компания унифицирует его с ожиданиями общества, устоями и ценностями. В результате, возникает противоречие. С одной стороны, имидж требует оригинальности объекта, с другой – грамотно построенный имидж всегда подстраивается под целевую аудиторию и требует определенной унификации характеристик с потребностями среды. Главная цель состоит в том, чтобы превратить собственный идеальный образ в коллективный, который будет принят массовым сознанием. В таком случае имидж становится новой социальной конструкцией, которая может оказывать мощное воздействие на поведение людей. Для этого имидж должен гармонично входить в существующую жизнь и ассоциироваться именно с той личностью, компанией или товаром, для которой он создан. Автор работы предпринимает попытку проанализировать данные противоречия, найти грани соприкосновения имиджа и среды, рассмотреть эту проблему «снаружи», т. е. исследовать влияние среды на имидж и выявить результаты их взаимодействия.

Аспекты имиджа изучались в рамках различных наук в разные времена. Корни философского исследования можно найти и в классической философии (хотя в качестве феномена имидж стал рассматриваться лишь в XX в.). В данном случае это понятие рассматривалось в контексте символов, образов, знаков. Изучение коллективного бессознательного и архетипов массового сознания связано с именами З. Фрейда и К. Юнга; социальный опыт, привычки и впечатления лежат в поле исследования бихевиористов; проблему человеческих потребностей разрабатывали А. Маслоу и В. Парето. Исследования социологии и психологии также имеют большое значение в контексте изучения взаимодействия социальной среды и имиджа [4]. Здесь следует уделить внимание теории социальной стратификации М. Вебера и П. Сорокина, изучению социального статуса, социальных привилегий. В политическом контексте имидж исследуется с конца 70-х гг. XX в.

Исследования имиджа находятся на пересечении многих наук. За последние годы в этой области накоплен значительный эмпирический опыт, особенно в работах по связям с общественностью, где формирование имиджа является одним из центральных направлений деятельности. Особенно следует отметить работы Г. Г. Почепцова, И. В. Алешиной, Ж. П. Бодуана, Б. Джи, М. В. Томиловой, которые исследовали проблему управления имиджем компании и политических лидеров. Именно в сфере связей с общественностью сегодня можно обнаружить определения понятия «имидж», которые, тем не менее, нельзя назвать полными. Во всех перечисленных определениях можно найти общие черты. Имидж, в том числе и корпоративный, – это впечатление, которое создается у людей о том или ином человеке, фирме или компании; образ предмета, явления, события, организации, социальной группы, впечатление об этих объектах, рожденное на эмоционально-психологическом уровне.

В контексте психологии и психосемантики различные аспекты имиджа представлены в работах Е. Л. Доценко, В. Ф. Маченко, Е. Громова и М. Герасимова, Н. Даудрих.

Исследования имиджа в рамках различных дисциплин подтверждают необходимость рассмотрения имиджа как семиотической системы, в которой символы и знаки играют первостепенную роль и изучение вопросов, связанных с этим феноменом, должно включать и знаковую сферу. Имидж часто воспринимается только как современное явление

XXI в., но различные исследования философии, социологии и других гуманитарных дисциплин показывают, что феномен имиджа присутствовал в социальной парадигме общества и на ранних этапах развития. Социально-философский анализ взаимодействия имиджа и социальной среды призван дать целостное представление о сущности, механизмах и этапах этого процесса. С учетом многомерности включения в социум частно-научные исследования не позволяют сформировать единую картину. Социально-философское исследование имиджа носит междисциплинарный характер, поскольку проблематика имиджа фокусирует в себе достижения многих конкретных наук.

На сегодняшний день ни один труд, посвященный изучению имиджа, не выходит на уровень теоретических обобщений, предлагая достаточно общий анализ проблемы, и рассматривает лишь свой собственный аспект. Предложенный подход, объединяющий теоретические и эмпирические материалы таких наук, как философия, социология, социальная психология, этнография, теория и история культуры, учитывая сложность феномена (междисциплинарность и многоаспектность), позволяет обнаружить и проанализировать основы взаимодействия имиджа и социальной среды, что особенно актуально в условиях изменившейся социально-экономической структуры общества.

Проведение исследования с позиций социальной философии позволит создать методологические основания, необходимые для выработки практических рекомендаций, обеспечивающих эффективную работу с имиджем, и является одной из первых теоретических работ в области социальной философии, в которой осуществляется комплексное изучение сложного процесса взаимодействия имиджа и социальной среды. Обосновывается необходимость учитывать особенности социальной среды при формировании и управлении имиджем, выявляется взаимосвязь между социальной средой и имиджем, проводится критический и конструктивный анализ вопросов их взаимодействия, систематизированы особенности формирования определенного имиджа в адекватной среде.

Для того чтобы сделать взаимосвязь между имиджем и социальной средой более очевидной, можно указать на область их пересечения – символы. Символы являются основой существования социальной среды, отражая основные понятия и смыслы, и имидж попадает в зависимость от данных элементов, так как его восприятие средой строится на интерпретации улавливаемых символов. В исследовании раскрывается связь имиджа с основными философскими категориями, что позволяет рассматривать и само понятие «имидж» как философское.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что современный период развития общества в любой цивилизованной стране отмечен информационным взрывом. Давно стало расхожим утверждение: «Кто владеет информацией, владеет миром». Важным фактором успеха предпринимательства становятся коммуникации и информация. Формирование и укрепление имиджа является сегодня одной из стратегических задач политиков, фирм, производителей товаров и услуг.

Формирование имиджа представляет собой создание сообщений, которые способствуют положительному восприятию компании целевыми группами общественности. Имидж зависит от социальной среды и может периодически меняться. В связи с этим необходимо стратегическое управление данным явлением. Для того чтобы этот процесс был эффективным, следует изучить содержание понятия «имидж» в контексте социальной среды.

В настоящее время в условиях возрастающей роли коммуникативных единиц, одной из которых является имидж, необходима социально-философская рефлексия этого понятия, теоретическое обоснование эмпирического материала. Многогранность феномена имиджа позволяет рассматривать его с разных позиций: как форму отражения объекта, как способ познания, как вид социального управления и т. д. Автор надеется, что данное исследование внесет лепту в разработку особенно актуальных на сегодняшний день проблем – формирование и управление имиджем объекта, взаимодействие имиджа и социальной среды. Материалы исследования могут быть использованы в качестве рекомендаций по формированию имиджа в определенной среде, также при разработке гуманитарных курсов по данной тематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Лань, 1997.
2. Яковлев И. П. Основы теории коммуникаций: Учеб. пособие/ Институт управления и экономики. СПб., 2001.
3. Романенко Ю. М. Миф как наука о формах правильного воображения // Мифология и повседневность/ РХГИ. СПб., 1998.
4. Маценко В. Ф. Имидж: Психология сознания. М.: Ника-Центр, 2002.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М.: ТОО «ЧеРо», 1997.

S. V. Kartoshkina

IMAGE IN SOCIAL ENVIRONMENT CONTEXT

Importance of socio-philosophic analysis of image and social environment cooperation within the current society is substantiated on the basis of interdisciplinary method to get an insight of essence, mechanisms, and stages of this process.

Image, social environment, character, symbol, interpretation

УДК 130.2 : 8

М. Е. Кудрявцева

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ИЛИ СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. ПЕЛЕВИНА

Проводится эстетический анализ двух произведений В. Пелевина: «Жизнь насекомых» и «Проблема верволка в средней полосе». Данные произведения анализируются в сравнении на основе разработанных автором критериев эстетической ценности, которые опираются на концептуальные положения М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Л. С. Выготского, Я. Мукаржовского

Эстетическое, этическое, ценность, современная литература, метафора, метаморфоза, внесистемные элементы

Охарактеризовать современный литературный процесс так же сложно, как и современную социокультурную ситуацию в целом. В зависимости от ценностной ориентации можно быть настроенным по отношению к современной литературе как оптимистически, рассматривая её как активно идущую реализацию творческих возможностей, так и пессимистически, усматривая в ней распад общечеловеческих ценностей и утрату ею мировоз-

зренческой функции. Очевидно лишь то, что современная отечественная литература уходит со сцены не собирается, продолжает жить и множиться, а современный читатель, мало обращая внимание на рекомендации литературных критиков, продолжает читать. Кроме того, сейчас, когда идеологизация литературы ушла в прошлое, читателю представилась возможность подойти к литературному произведению с чисто эстетической точки зрения, как к произведению изящной словесности.

Сколько-нибудь объективно оценить литературное произведение можно, как представляется, лишь по прошествии некоторого времени, в течение которого произведение «отстоится» в восприятии, появится возможность включить его в соответствующий литературный контекст. Самое время сейчас, по нашему мнению, поразмышлять над некоторыми произведениями Виктора Пелевина, когда с момента появления первых из них прошло уже более десяти лет. Повести и рассказы В. Пелевина, с их удивительной абсурдной, иногда фантазмагорической реальностью, с их ненормативной лексикой, с их трудно понятным «идейным содержанием», непросто оценить современному читателю, не только воспитанному на традиционной реалистической литературе, но и молодому, уже почувствовавшему вкус к разнообразной и пёстрой литературной продукции.

Попробуем, отбросив все попытки обнаружить идейную сущность произведений Виктора Пелевина, оценить их с чисто эстетической точки зрения, учитывая, впрочем, что эстетическая ценность находится в тесной связи с познавательно-этической. Для того чтобы такой подход был возможен, должны быть разработаны критерии эстетического, опираясь на которые, можно определить ту или иную степень эстетической ценности литературно-художественного произведения.

Прежде всего, необходимо установить соотношения между эстетической и познавательно-этической объективностью литературного произведения. М. М. Бахтин в книге «Эстетика словесного творчества» отмечал необходимость различения эстетической стороны произведения и его познавательно-этической стороны: «Жизненная (познавательно-этическая) заинтересованность в событии героя объемлется художественной заинтересованностью автора. В этом смысле эстетическая объективность идёт в другом направлении, чем познавательная и этическая: эта последняя объективность есть нелицеприятная, беспристрастная оценка данного лица и события с точки зрения общепризнанной или принимаемой за таковую, стремящейся к общезначимости, этической и познавательной ценности; для эстетической объективности ценностным центром является целое героя и относящегося к нему события, которому должны быть подчинены все этические и познавательные ценности; эстетическая объективность объемлет и включает в себя познавательно-этическую» [1, с. 18].

В чём же состоит собственно эстетическая ценность художественного произведения? Известный чешский учёный Ян Мукаржовский в книге «Исследования по эстетике и теории искусства» отмечает: «Независимая ценность артефакта будет тем выше, чем больший пучок внеэстетических ценностей сумеет привлечь к себе артефакт и чем сильнее сумеет он динамизировать их взаимоотношения... Независимая художественная ценность артефакта тем выше и постояннее, чем труднее произведение поддаётся буквальной интерпретации с точки зрения общепринятой системы ценностей той или иной эпохи либо той или иной среды» [2, с. 118].

О прямой зависимости эстетической ценности художественного произведения от его интерпретации пишет Л. С. Выготский в книге «Психология искусства»: «Раз всё дело не в том содержании, которое вложил в произведение автор, а в том, которое привносит от себя читатель, то совершенно ясно, что содержание этого художественного произведения является зависимой и переменной величиной, функцией от психики общественного человека и изменяется вместе с последней» [3, с. 41]. Цитируя А. А. Потебню (Мысль и язык. Харьков, 1913), Л. С. Выготский отмечает: «Заслуга художника не в том *minimum* содержания, которое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [3, с. 41]. Таким образом, в качестве первого эстетического критерия, применимого к литературному произведению, будем считать *объём внеэстетических ценностей (этических и познавательных), привлекаемых данным произведением*; вторым критерием будет *возможность его множественной интерпретации*. Для того чтобы сформулировать два других критерия, обратимся к статье Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста».

Ю. М. Лотман отмечает следующее: «Для того чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам. Однако одновременно работает и противоположная тенденция: только элементы, поставленные в определённые предсказываемые последовательности, могут выполнять роль коммуникативных систем. Таким образом, в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать самоё структуру носителем информации. В связи с этим механизм нарушения системности получает в художественном тексте особый вид. Противопоставленный данной художественной системе как “индивидуальный”, “внесистемный” факт на самом деле вполне системен, но принадлежит другой структуре» [4, с. 82]. Взаимодействие этих противоположно работающих механизмов в художественном тексте обуславливает его эстетическую ценность. Кроме того, у Лотмана есть замечание относительно предсказуемости текстов художественных и нехудожественных: «По мере восприятия слушателем нехудожественного текста предсказуемость его возрастает так, что в конце предложения значительная часть структурных средств делается избыточной. В художественном тексте этого не наблюдается: степень “неожиданности” в следовании элементов или же приблизительно одинакова, или даже возрастает к концу. Всё это – следствие единой структурной особенности художественного текста» [4, с. 81]. Таким образом, третьим критерием эстетической оценки литературно-художественного произведения будет *функционирование механизма нарушения системности*, в характерном для художественного произведения виде (присутствие в тексте элементов, принадлежащих к другим художественным системам); четвёртым же критерием будет та *мера непредсказуемости художественного текста, за пределами которой становится уже невозможным сам акт коммуникации*. Необходимо отметить, что сформулированные нами критерии находятся в тесной связи между собой, и объём привлекаемых внеэстетических цен-

ностей и возможность множественной интерпретации художественного текста в большой степени являются следствием определённой меры его непредсказуемости и функционирования механизмов нарушения системности.

Опираясь на указанные критерии, попробуем проанализировать некоторые произведения В. Пелевина и, по возможности, сравнить их между собой. Выделить эстетический аспект произведений Пелевина в сравнении с более традиционными произведениями одновременно и проще, и труднее. Проще только на первый взгляд, потому что погружение в необычную реальность пелевинского мира вызывает, как кажется читателю, преимущественно эстетические эмоции и очень мало прочих (познавательных и этических) эмоций. Труднее, потому что эстетическая эмоция, как отмечалось ранее (Мукаржовский), так или иначе обусловлена шириной спектра эмоций познавательных и этических, следовательно, именно через них лежит путь к эстетическому.

Вот что пишет исследователь русской прозы последних десятилетий А. Генис относительно необычной, крайне субъективной реальности произведений Пелевина: «Вымысел у Пелевина есть инструмент конструкции реальности, а не насилия над ней. Упрядняя окружающее, сводя его к психическому пространству личности, он расширяет свои повествовательные возможности... Окружающий мир – череда искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках “сырой”, изначальной действительности. Все эти миры не являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь в них верит. Ведь каждая версия мира существует лишь в нашей душе, а психическая реальность не знает лжи» [5, с. 83].

С точки зрения Гениса, Пелевин строит в своей прозе вымышленные миражи, «рецепт» создания которых заключается в варьировании границы разных миров: «Пелевин – поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты, связанные с интерференцией, – одна картина мира, накладываясь на другую, создаёт третью, отличную от первых двух» [5, с. 83]. Генис сравнивает прозу Пелевина с живописью Магритта. Таким ярким художественным приёмом интерференции отличаются, в частности, роман Пелевина «Жизнь насекомых» и рассказ «Проблема верволка в средней полосе». «Животная» тема вообще характерна для Пелевина, отметим, что приём соотнесения человеческого мира с животным вообще предоставляет писателю большие возможности от обычной сатирической аллегории до условно-метафорического видения мира. В то же время на этом пути писателя ожидает опасность впасть в идейно-художественное однообразие, поддавшись соблазну образно-тематического разнообразия. Кроме того, искушение представить реальность в нестандартном виде иногда столь велико, что становится самоцелью, что несовместимо с подлинной художественностью.

Ключевым вопросом, определяющим, с нашей точки зрения, содержание этих произведений, будет вопрос: «А кто такие на самом деле люди?» («Проблема верволка в средней полосе»). Само обращение к насекомым, к волкам и попытка «наложения» «человеческой» реальности на «животную» (или наоборот, в зависимости от субъективного восприятия) продиктовано, на наш взгляд, чувством удивления перед человеческим естеством, удивле-

ния, как правило, человеку не присущего и потому особенно ценного. Накладывая одну реальность на другую, при сохранении человеческой психики своих героев (что не мешает им на время обретать инстинкты животного мира), Пелевин остаётся вполне бесстрастным повествователем – и тем сильнее эффект удивления читателя. Заметим, что категория удивления принадлежит, скорее, к познавательным ценностям и, вызываемая художественным произведением, может стать начальной точкой отсчёта его эстетической ценности.

Обратимся к роману «Жизнь насекомых» [6]. В этом произведении Пелевин развивает версию энтомологической метаморфозы, ранее уже выдвигавшуюся в литературе Ф. Кафкой (рассказ «Превращение»). Однако если для рассказа Кафки характерна ярко выраженная трагическая окраска – герой так и не сумел воспользоваться возможностями, предоставленными ему метаморфозой, то роман Пелевина гораздо более эмоционально бесстрастен, несмотря на то, что практически все его герои погибают. Вообще этические моменты, неизбежные среди людей, в романе Пелевина приобретают какое-то фарсовое звучание, поскольку связаны с энтомологическими проявлениями человека. Дочь муравьишки Наташа уходит из дома, захотев лёгкой жизни. Лёгкая жизнь, в её представлении, связана с жизнью мухи – она после окукливания превращается в легкомысленную муху; таракан Серёжа мечтает прорыть ход на поверхность, а вместо этого бесконечно копает в горизонтальном направлении, отрывая из земли каждый день работу, сослуживцев, дом, телевизор, кровать и снова работу; уехав в Америку, Серёжа находит там такую же рутину, как и везде. Трагическая гибель героев также связана с их энтомологическими проявлениями. Их расплющивают каблуком, пожирают собственные родственники, размазывают ладонью в «мятый ком кровавого мяса», сжигают в папиросе «Казбек», ловят на липучку и т. д.

Как только у читателя возникает и фиксируется определённая эмоция по отношению к героям или событиям (эмоция, вызываемая человеческими проявлениями персонажей), перед его глазами укрупняются энтомологические детали внешности и поведения героев. Вообще, с нашей точки зрения, главным художественным приёмом в этом романе является создание эффекта «двойного зрения» – изображение героя-человека как бы накладывается на изображение героя-насекомого, причём читатель в каждый момент чтения должен фиксировать их естество, чтобы понять происходящее. Именно этот художественный эффект и обуславливает, с нашей точки зрения, эстетическую ценность произведения, поскольку создаёт ощущение непредсказуемости повествования, гибкости образа, множества познавательных и этических моментов, так или иначе возникающих при погружении читателя в причудливую реальность людей-насекомых. Однако если внимательнее проанализировать свои чувства, то окажется, что впечатление эстетических достоинств, скорее, поверхностное, чем глубинное. Действительно, постоянная эксплуатация одного и того же приёма приводит к тому, что непредсказуемость текста приобретает некую закономерность, т. е. выведение системы из автоматизма само по себе становится системой, и непредсказуемость оказывается мнимой, отсюда и гибкость образов оказывается в большой степени заданной. Фарсовость звучания большинства этических и познавательных моментов романа затрундняет возможность их серьёзного осмысления.

На наш взгляд, лучшая новелла в романе посвящена двум жукам-навозникам – отцу и сыну, толкающим перед собой «Йа» – большой навозный шар. Это философская новелла, заставляющая задуматься над проблемой смысла жизни. В отличие от «житейских» новелл (о муравьихе Марине, её дочери Наташе, о комарах и др.), новелла о жуках-навозниках обладает гораздо большим диапазоном трактовок, и, главное, она одна из немногих способна вызвать серьёзные размышления читателя. Что значит жить – катить перед собой свой навозный шар или, глубоко увязая в нём, перекатываться вместе с ним, с каждым новым его поворотом ударяясь «башкой о бетон» и расплющиваясь о его поверхность? Отметим в связи с этим, что тема нечистот, отождествляемых с окружающим миром, не единожды встречается у Пелевина. В рассказе «Девятый сон Веры Павловны» мир захлёстывает «отвратительный чёрно-коричневый поток» (кстати, есть в этом рассказе и образ шара-глобуса, на котором спасается героиня). Однако в этом рассказе гораздо более силён сатирический элемент, т. е. яснее просматриваются социальные параллели, и это, с нашей точки зрения, снижает эстетическую ценность рассказа.

В целом же более ценным произведением в эстетическом плане нам представляется рассказ «Проблема верволка в средней полосе» (напомним, что сравнение с романом «Жизнь насекомых» напрашивается вследствие создания автором и в том, и в другом произведении «зоопсихологической» реальности; как то, так и другое произведение можно отнести к условно-метафорическому направлению в прозе). Рассказ «Проблема верволка в средней полосе» при этом оказывается на первый взгляд в менее выгодном положении, поскольку в нём не используется приём наложения одного изображения на другое, границы между обликом человека и животного более определённые. Однако отсутствие этого, безусловно, эффектного приёма позволяет в более «чистом» виде оценить эстетические достоинства рассказа, читателя уже не отвлекают внешние эффекты. Попробуем проанализировать рассказ с эстетической точки зрения, используя вышеуказанные критерии.

Вместо приёма наложения одного изображения на другое, Пелевин использует другой приём – сосуществование в каждой из ипостасей героя как одной, так и другой сущности. Волк Саша, сохраняя способность чисто по-человечески отдавать себе отчет в происходящем, при этом чувствует нарастание в себе волчьих инстинктов – возможности различать огромный спектр запахов, непонятно откуда берущуюся уверенность в том, как вести себя в той или иной ситуации, и т. д. Кроме того, как художественный приём необходимо отметить ненавязчиво предлагаемую читателю идею «искривления реальности». Когда Саша, отчаявшись остановить попутную машину, возвращается в Коньково, он как будто сбивается с дороги. Всё замеченное им ранее чуть-чуть меняется: то столб оказывается не справа, а слева, то облепленный многолетней грязью изолятор оказывается птицей. Внимательный читатель отметит также и небольшие перемены в самом Саше: вот он замечает, что звёзды разноцветные, а раньше он этого не замечал или давно забыл, вот в какой-то момент он начинает двигаться «крадущейся походкой, внимательно вглядываясь в темноту» [8, с. 196], и чувствует, что и дальше будет двигаться именно таким образом. Эти, с нашей точки зрения, менее эффектные, чем приём наложения изображения, приёмы, тем не менее, способны вызвать больший спектр размышлений и чувств, поскольку

эмоции читателя уже не подавляются чувством удивления и восхищения перед ловкостью и мастерством авторского приёма.

Объём познавательно-этических ценностей, привлекаемых произведением и являющихся, как отмечал Я. Мукаржовский, показателем эстетической ценности произведения, есть не что иное, как разнообразие мыслей и чувств, вызываемых данным произведением. В рассказе Пелевина такой отправной точкой размышлений является проблема оборотничества. Традиционное в мировом фольклоре представление о способности человека-оборотня превращаться в волка (кстати, уже не раз эксплуатировавшееся в современной культуре) получает глубокое осмысление. Кто такие люди-волки, что означает «зов», повинувшись которому они совершают свои превращения, почему только оборотни – это настоящие люди, что значит стать настоящим оборотнем – вот круг вопросов, вызываемых рассказом. Решать их тем сложнее, чем меньше в рассказе прямолинейных аллегорий. Одним из достоинств рассказа является то, что в нём удачно сочетаются бытийный и социальный планы. Обретение героем Сашей волчьей сущности ещё не означает окончательного становления его как оборотня, путь к этому лежит через утверждение своей социальной роли – это происходит в момент боя с волком-предателем, боя почти без надежды на успех. Интерпретация данного эпизода с точки зрения принятой в рассказе системы ценностей – настоящие люди – только оборотни – может быть различной: и как утверждение себя в глазах окружающих, и как обретение уверенности в подлинности своего волчьего естества, и как своеобразная проверка на мужественность (заметим, что перед этой проверкой Саша-волк отбрасывал волчью тень и только после боя его тень стала человеческой, как и у всех, т. е. только тогда он стал настоящим вервольком, а не просто волком, и этот момент также затрудняет интерпретацию эпизода, что свидетельствует о его высокой эстетической ценности). Авторское отношение к верволькам также может быть интерпретировано неоднозначно: от безусловного уважения и симпатии к ним до определённой настороженности, вызванной жёсткостью и замкнутостью их системы, выхода из которой для верволька быть не может. Несомненным достоинством рассказа с точки зрения привлечения им широкого спектра внеэстетических ценностей является, по нашему мнению, его оптимистическое звучание, усиливающееся к концу рассказа. Уныло-тревожное состояние Саши, блуждающего по ночному лесу, сменяется чувством радости от стремительного бега с волчьей стаей по дороге, затем многообразной гаммой ощущений до, во время и после боя со старым волком и, наконец, чувством томительного блаженства при виде луны, когда они «все вместе выли о том, как непостижим и прекрасен мир, в центре которого они лежат на поляне» [8, с. 221].

Расширяют возможность интерпретации рассказа также и некоторые внесистемные элементы – женщина в красных бусах, «перекидывающаяся» коброй в Средней Азии, демагогическая речь Николая Петровича перед волчьей стаей. Эти элементы придают рассказу то сатирический, то фарсовый оттенок, но именно оттенок, не снижающий в целом философского звучания рассказа (такое снижение происходит в «Жизни насекомых» и является, с нашей точки зрения, существенным недостатком этого романа).

Внесистемные элементы выводят всю систему рассказа из автоматизма, однако не настолько, чтобы существенно воспрепятствовать акту коммуникации, но благодаря им текст сохраняет информативность, что и обуславливает его высокую художественность.

В заключение отметим, что оба рассмотренных произведения Виктора Пелевина, несмотря на их некоторую эстетическую неравноценность, в целом представляются нам весьма значительным явлением в отечественной литературе, и не раз ещё будут переосмысляться и переоцениваться будущими читателями и литературоведами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
2. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Пер. с чеш. М.: Искусство, 1994. (История эстетики в памятниках и документах).
3. Выготский Л. С. Психология искусства. Минск: Современное слово, 1998.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб., 1998.
5. Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
6. Пелевин В. Жизнь насекомых. М.: Вагриус, 1998.
7. Пелевин В. Жёлтая стрела. Повести. М.: Вагриус, 1999.

M. E. Kudryavtzeva

AESTHETIC ANALYSIS OF A FICTION TEXT OR SUBJECTIVE VIEWPOINT AT SOME WORKS OF V. PELEVIN

The paper is an attempt of aesthetic analysis of two pieces by V. Pelevin: "Life of insects" and "The problem of verwolf in Mid Russia". The analysis is of the comparative kind and is based upon the criteria of aesthetic value developed by the author and supported by the concepts that were suggested by Ya. Mykharzhevsky, L. S. Vygotsky, Yu. M. Lotman, M. M. Bakhtin.

Metamorphosis, aesthetic, ethic, value, modern literature, metaphor, out-of-system elements

УДК 130.2

Т. А. Сопикова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЯВЛЕНИЯ СКАЗКИ (ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ НА МИКРОСОЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ)

Границы сказки шире границ её текста. Сказка создается усилиями продуцента и реципиента: их отношением к сказке и коммуникацией между собой. Актуализируемая сказка есть социокультурное событие, вне которого она не существует. Это событие есть часть общественных практик и в то же время индивидуация одной из них. Здесь рассматривается индивидуация (микросоциальный уровень). Исходя из задачи осмысления воздействия сказки на реципиента, описываются четыре идеальных типа полного пространства социальных практик, результирующихся либо формированием реципиента (социализацией или индивидуализацией), либо уводом его в сторону от формирования.

Сказка, социальная практика, идеальный тип, коммуникация, автокоммуникация, экзистенция, нарративизация, отчуждение

Сказка суть социокультурное событие. Наличествуя в социальной действительности, сказка предстает, в том числе, и как основа для становления и развития личности, действительность которой зависит в равной мере и от текста сказки (как излагаемого, так и воспринимаемого), и от социальных практик его явления. В настоящей статье исследуется только одна из двух имманентных частей сказки – социальные практики.

Положение сказки в европейской действительности сильно изменилось за последние полтора века. Появление новых материально-технических способов фиксации сказок

и сущностное изменение их содержания привело к потере границы между сказкой и несказкой. Лишившись контекста парадигмы традиционного общества, сказка из держателя смысла культуры превратилась в знаковый муляж цивилизации. Соотношения означаемого и означающего единичной сказки теперь настолько многозначны, что доминирующими функциями сказки стали развлечение и нарративизация пространства значений.

Существовавшая культура обращения с устной сказкой с расширением социальных практик перестала быть единственной. Возникновение новых постмодернистских вариаций сказки ставит вопрос о том, что есть сущность сказки. Ясность в ответе на этот вопрос будет способствовать формированию культуры обращения с современной сказкой.

Положение сказки в рефлексии. Существует много подходов к определению того, что есть сказка: сказкой является «народная» сказка, сказываемая устно и широко распространенная в традиционном обществе; сказками называются повествования, композиционно структурированные и выраженные с помощью слова; сказка есть знаковая система, выполняющая информационно-трансляционную функцию и др.

Большинство известных определений сводят сказку к тексту, в основном, словесному. Текст сказки исследуется вдоль и поперёк. Например, о тексте сказки говорят и в его объективности (как референции существующей или существовавшей реальности); в его субъективности (как пространстве возможного индивидуального выражения себя продуцентом); изучают и прагматику в аспекте социального действия сказки (как конечного влияния сказки на аудиторию, определяемого только её текстом). Тем самым, практике актуализации сказки присваивается статус контекста, а сущность сказки помещается в текст. Поскольку не только текст, но и социально-коммуникативный способ его проявления оказывает сущностное влияние на социальное бытие сказки, в настоящей статье, не отрицая значения текста, имманентно-паритетными полагаются и статус текста, и статус практики его явления.

Каждый из подходов к определению понятия «сказка» эффективен в соответствующем монодисциплинарном дискурсе, но в социально-философском исследовании оказывается не продуктивным. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, нарушается критерий всеобщности философского исследования, в связи с тем, что существующие определения сказки не охватывают всех действительных и возможных форм её бытийствования. Во-вторых, принижается значимость социальной ситуации «изложения – восприятия» сказки, рассматриваемой как контекст: необходимо присутствующий, но вторичный.

Очерчивание границ сказки. Итак, зафиксируем, что сказка состоит из двух имманентных частей: текста сказки и социальной практики его явления. Под текстом сказки здесь понимается любая знаковая конструкция (вербальная, изобразительная, сценическая и др.), означиваемая как «сказка» и обладающая сюжетной целостностью. Под социальными практиками здесь понимается совокупность действий, состояний, интенций, ожиданий продуцента и реципиента, конституирующих специфику их отношения к сказке и особенности коммуникации между ними. Сказка рождается не тогда, когда сходит с печатного станка, а тогда, когда продуцент осуществляет практику изложения сказки, а реципиент – практику участия в этом изложении. Таким образом, в настоящей статье под сказкой понимается социокультурное событие «изложения – восприятия» текста сказки и

отстаивается позиция, что один и тот же текст сказки, актуализируемый в сущностно разных социальных практиках, есть сущностно разные сказки.

Уровни возможных типологий сказки. Полное пространство социальных порядков явления сказки столь разнородно, что их продуктивное исследование может быть начато только на основе типологизации. Уровней возможных типологий социального порядка явления сказки может быть, по крайней мере, две: макросоциальная и микросоциальная. Имея в виду то, что макросоциальная типология уже была исследована и описана [1, с. 71–78], перейдем к типологизации (в рамках метода идеальных типов М. Вебера [2, с. 623]) на микросоциальном уровне, задача которой – исследовать влияние социальной практики на роль сказки в становлении и развитии реципиента, результирующееся формированием или неформированием его личности.

Основания микросоциальной типологии. Социальная коммуникация «сказка – реципиент» может привести к одному из двух следующих результатов: либо состояние и поведение реципиента изменится под воздействием сказки, либо такое изменение не произойдет. Возьмём показателем взаимодействия «сказка – реципиент» целевую причину явления сказки, понимаемую как действительное назначение процесса явления сказки, вне зависимости от осознанности его участниками. Таких действительных воздействий существует, по крайней мере, два: у реципиента возникают или изменяются структуры личности в результате интериоризации им смыслов сказки (формирующие практики) и реципиент не осуществляет интериоризацию, и не формирует в себе никаких личностных образований, источником которых была бы сказка (отчужденные практики).

Ситуативная практика явления сказки. Среди отчужденных практик явления сказки существуют такие, в которых целевую причину определяют единичные, случайные ситуации её восприятия реципиентом. В таких практиках сказка воспринимается, не будучи обусловленной осмысленным целенаправленным действием, но в зависимости от той или иной случайной ситуации: эмоциональной (смена настроения), ментальной (получение информации) и др., – разрешение которой удобно с помощью сказки. Целевыми причинами явления сказки становится развлечение реципиента, его успокоение (перед сном), эскапизм, повышение степени эрудиции и др. Таким образом, действительный результат процесса изложения и восприятия сказки состоит не в становлении и развитии личности реципиента, а в ситуативном изменении его поведения и состояния. Назовем такой тип социальной практики ситуативным.

Успешность действий реципиента ситуативной практики определяется не сказкой как таковой, а случайной ситуацией её использования. Случайность есть характеристика отношения реципиента к сказке: сказка случайна не для конкретного опыта её восприятия, а для экзистенции реципиента. Реципиент обезличен (не проявляется своего «Я») в коммуникации и его интенция: избежать риска самораскрытия в процессе перцепции им сказки.

Рассмотрим пример: фольклористу необходимо собрать максимальное количество первичного материала. Для разрешения данной ситуации он предлагает сказочнику за деньги рассказать ему сказку. Здесь фольклорист (в качестве реципиента) осуществляет ситуативную практику восприятия сказки. Он отчужден от опыта сказывания: его цель – не стать участником события, а при минимальных затратах получить от информанта как можно больше материала. Его обезличенное отношение к сказке и потребительство излагаемого не способствуют ни самоопределению, ни определению через признание Другого.

Центральной характеристикой действий реципиента является отчуждение, понимаемое как лишенность реципиентом части своих сущностных характеристик. «Одиночество – бессилие – утрата подлинного Я» есть основные показатели отчужденности реципиента от сказки и от продуцента, и самоотчуждения его от самого себя.

Отчуждение от сказки. Вне зависимости от характеристики операций по отношению к сказке реципиент выступает в позиции потребителя, ибо берёт от неё больше, чем вкладывает. Внутренняя потребительская пассивность определяет его неучастие в процессе становления сказки. Задача фольклориста не в том, чтобы обеспечить бытие сказки, а в том, чтобы стимулировать её наличное существование, не заботясь о путях распределения. Сказка для него – не образец для послушного принятия, а пространство интерпретации посредством дешифровки. Он стремится к её односторонней рациональной деструкции, не результирующей конструкцией – созданием своего целостного образа сказки. Не приняв и не индивидуализировав излагаемой сказки, не создав единой с продуцентом сказки, реципиент лишается возможности сформироваться под её воздействием.

Отчуждение от продуцента. Отсутствие стремления к пониманию сказки определяется общим недоверием к продуценту и его действиям. Реципиент не признает продуцента, внутренне отчуждается от него. Эмоциональная индифферентность и нацеленность на рефлексивное отражение излагаемого у прагматично ориентированного фольклориста делает невозможным глубинное общение. Продуцент представляется реципиенту не как значимый, а как чуждый Другой: тот, с кем нет общего пространства «между» (отношение Я и Оно, по М. Буберу). Отсутствие интересубъективной общности между участниками и интенции на её формирование делает невозможным Они-идентификацию реципиента.

Самоотчуждение. Специфика ситуативной практики среди отчужденных в отношении реципиента к самому себе. Реципиент ситуативной практики обезличен: он не проявляет своего Я, не вписывает сказку в свой Жизненный мир, но функционирует: выполняет те или иные социальные роли. Он не хочет изменить себя в результате контакта со сказкой, но хочет её использовать: эмоционально или ментально. Декодируя сказку продуцента, он не адресует её своему аутентичному Я. Невозможность достижения реципиентом ситуативной практики Я-идентичности определяется отсутствием у него стремления к общению с самим собой – отсутствием интенции к автокоммуникации.

Нарративно-автокоммуникативная практика субъективации сказки. В ряде случаев сказку используют иначе. Например, распространена такая практика апперцепции сказки, при которой реципиент, читая текст сказки, не стремится к пониманию смысла текста и к сопереживанию с продуцентом, но путем наложения собственной смысловой схемы создает свой образ сказки, чуждый образу сказки продуцента. Чтение сказки теперь не процесс обнаружения (понимания, объяснения) смысла, но субъективная практика означивания (по Ю. Кристевой) и деконструкции (по Ж. Деррида). Снимая сказку продуцента-автора, реципиент сам становится автором, создающим свою сказку. Читаемый текст сказки есть лишь эхокамера (по Р. Барту), возвращающая субъекту привнесенный им смысл. Целевой причиной таких нарративных практик является самоформирование реципиента-автора, но происходящее не под воздействием сказки, а под воздействием сконст-

руированного им смысла сказки. Такую отчужденную практику субъективации сказки назовём нарративно-автокоммуникативной.

Отчуждение от продуцента. Нарративная практика субъективации сказки есть специфичная интерпретативная практика. Её специфичность диктуется особой процедурой отношения реципиента с текстом, отличающейся от понимания. Реципиент не доверяет продуценту, который для него есть Чужой. Отсутствие интенции на дополнительную и согласованность не позволяет слиться горизонтам. Между продуцентом и реципиентом нет места ни онтологическому, ни конвенциональному единству. Взаимная трансцендентность участников делает невозможным возникновение чего-либо общего в результате их коммуникации. Плюрално означивая бытие, реципиент порождает свою сказку, а не актуализирует единую с продуцентом потенциальную сказку.

Лишив себя эмоциональной связи с продуцентом и его сказкой и, таким образом, зачеркнув для себя путь идентификации с ними, реципиент погружается в социальное одиночество. И теперь он стоит перед выбором: окончательно ликвидировать для себя принцип идентичности или начать путь к самостоятельному обретению аутентичности своего «Я», путь автономной свободы и ответственности перед собой. Он выбирает второе.

Интенция на самоформирование выделяет нарративно-автокоммуникативные практики среди отчужденных. Текст сказки продуцента интересен реципиенту не как пространство для смысловых игр, средство развлечения или манипулирования, но как децентрированное смысловое поле для создания своей сказки. Разрушая сказку продуцента, реципиент создает свой целостный образ сказки (текст сознания во внутренней речи). Здесь реципиент выступает не как потребитель, но как деятель: деструктурируя мир продуцента, он конструирует свой Жизненный мир. Создаваемая сказка адресована им самому себе. При обсуждаемой практике явления сказки реципиент общается только и исключительно с самим собой – со своим сознанием, пространство действий которого ограничено реперами текста сказки. Такая коммуникативная позиция реципиента-автора является позицией «Я – Я» – автокоммуникацией (по аналогии с Ю. М. Лотманом [3, с. 163–177]). Автокоммуникация есть коммуникативный процесс передачи сообщения, при котором адресант и адресат аккумулированы в одном лице. Вступая в отношения «Я – Я», реципиент стремится понять себя, вслушиваясь в себя. Сказка используется им для обретения автономной индивидуализации (Я-идентичности), свободной от любой внешней детерминации и открытой для формирования аутентичной личности. Таким образом, результатом нарративно-автокоммуникативной практики является локальная перестройка «Я» реципиента-автора, источник которой не в объективности и не в интересубъективной общности, а в создаваемом им субъективном смысловом пространстве.

Экзистенциальная практика субъективации сказки. Формирующие практики, как способствующие становлению и развитию структур личности реципиента в результате интериоризации им смыслов сказки, предполагают два последовательных этапа Они-идентификации. На первом этапе социальность «опрокидывается» на индивида в рамках опыта бессознательного подражания и уподобления (аутентичная практика). На втором этапе, индивид ищет себя в социальности в рамках опыта индивидуации: сознательного

определения своего места в обществе (экзистенциальная практика). Начнем описание формирующих практик со второго типа.

Сознательная идентификация с чем-либо, находящимся вне тебя, предполагает определенную коммуникативную ситуацию. Рассмотрим пример: ведомый слушает сказку ведущего с интенцией на её понимание. Отношение доверия к ведущему и к излагаемому им определяет для ведомого возможность стать сторонником – как паритетным участником и последователем – как самостоятельно выбравшим то же направление, что и ведущий. Интерпретативная активность позволяет наложить апперцептированное на собственное мироощущение и, тем самым, способствовать совершенствованию своей личности. Целевая причина явления сказки здесь заключается в доформировании личности ведомого на когнитивном, образном или операциональном уровнях. Такие основные характеристики действий и состояний ведомого, как свобода, активность, открытость для понимания, ответственность, позволяют категоризировать данный тип практик как экзистенциальный.

Для того чтобы произошло доформирование личности ведомого, и сказка, излагаемая ведущим, и действия самого ведущего не могут быть произвольны. Символичность изложения сказки, отсылающего к ограниченной вариативности означаемых, открывает путь для индивидуализации смысла ведомым. Интенциональность ведущего одновременно и на процесс, и на результат практики явления сказки позволяет избежать прагматичности и гедонистичности в его действиях. Субъективация ведущим излагаемого в тексте сказки, отсылающего к его собственным переживаниям, делает невозможным отчуждение ведущего от сказки. Общий для участников социальный опыт, предшествующий коммуникации, способствует образованию у ведомого предпонимания. Устремленность ведущего на приоритезацию внутреннего мира ведомого побуждает последнего к действию.

В своей отнесенности к сказке ведомый проявляется себя не как потребитель. Стремясь к обретению экзистенциальной свободы, ведомый создает свою сказку (в виде текста сознания). Эта субъективированная ведомым сказка не противостоит субъективированной ведущим, но есть проявление единого во многом – две актуализации единой потенциальной сказки. Ведомый не отрицает и не разрушает сказку ведущего, но стремится к её пониманию как слиянию горизонтов. Внерефлексивность и непосредственность понимания предопределяют возможность схватывания целого сказки. Таким образом, ведомый экзистенциальной практики проявляет себя не как сторонний наблюдатель, но как активный участник становления и существования сказки в единичном акте её явления.

Текст сказки отсылает нас к чему-то трансцендентному, выходящему за пределы нашего чувственного опыта. Человек, реализующий себя в предметно-обезличенном мире *das Man*, закрыт для восприятия сказочного. Только в своей экзистенциальности человек открыт трансцендентному. Не сомневаться в достоверности существования сказочных событий – значит верить в осмысленность действий ведущего, отделять буквальный смысл от символического и быть открытым миру. Именно благодаря устремленности экзистенции к трансцендентному для личности открываются возможности выйти за границы своего замкнутого, эгоистичного мира и сделать шаг навстречу Другому, как Ты.

Общение как диалог. Общение для ведущего и ведомого обретает смысл в собственной процессуальности. Единый эмоционально-волевой тон экзистенциального взаимодействия ведущего и ведомого способствует возникновению диалогу между ними. Уникальность и принципиальное равенство участников, различие и оригинальность точек зрения в сопряжении с интенцией на дополнительность способствуют складыванию коммуникации с «Ты» (по Г. Марселю). Именно в такой коммуникации преодолевается отчуждение как объективация мира и открывается путь для подлинного бытия ведомого. Выбирая свой путь, ведомый сопрягает его с путем ведущего. Конституируя свою экзистенцию в рамках принципа свободы и ответственности за свой выбор, ведомый не зачеркивает для себя социальное, но индивидуализирует его.

Внутриличностная практика явления сказки. Для того чтобы развивать свою личность, надо её иметь. Для того чтобы индивидуализировать социальное, надо вначале принять его в себя. Обратимся к описанию практик явления сказки, целевая причина которых заключается в способствовании становлению структур личности ведомого за счет механизма глубинной интериоризации. Происходит это посредством генерализации усвоенных им образов, архетипов, интенций единичных сказок в сценарий поведения, представления о добре и зле, моральный императив и др. Рассмотрим пример: ребенок пяти лет, зачарованно и не отвлекаясь, смотрит мультфильм по сюжету сказки под руководством близкого ему человека. В данном случае от ведомого не приходится ожидать экзистенциального отношения к миру, предполагающего свободное сознательное и ответственное действие. Восприятие ведомым сказки скорее похоже на погружение в неё, при котором его активность находится на уровне созерцания. Ведомый растворен в бытии сказки, что становится возможным только при специфическом внутриличностном коммуникативном отношении к ведущему (например, родителю). Назовём такой тип социальной практики явления сказки внутриличностной.

Растворенность ведомого в сказке. Для ведомого описываемые в сказке события суть реальность. Сказка не аллегория и не символ, но сам мир, в достоверности существования которого ведомый не сомневается. Он не стремится к пониманию сказки – он живет в сказке, создаваемой и ведущим, и им самим. Здесь нет сознательной идентификации, всегда предполагающей ту или иную степень отчуждения, но есть глубинная интериоризация. Ведомый не апперцептирует, а акцептирует сказку: он не примеряет сказку на себя, на свое мироощущение, но сам оказывается под властью сказки, не соотносит её со своим Жизненным миром, но создает этот Жизненный мир посредством бессознательного становления сказки в себе и себя в сказке. Синкретичность акцепции (о-своения) смысла сказки ведомым определяет его полную открытость бытию и растворенность в сказке.

Сказка для ведомого становится тем сущим, которое возникает, самораскрываясь, которое своим присутствием захватывает ведомого как присутствующего при нем. Сказка раскроется, обнаружит себя перед ведомым только в момент его глубокого молчания, в момент, когда он вслушивается в нее, послушно ей принадлежа. Но такое созерцательное послушничество не есть потребительство сказки, но активное строительство своего «Я», посредством единства и со сказкой, и с ведущим.

Взаимоотношения между ведущим и ведомым не могут быть охарактеризованы как межличностные. Понимание, складывающееся между участниками экзистенциальной практики, невозможно во внутриличностной. Сейчас между ними есть некоторая специфическая общность, которая может быть охарактеризована как внутриличностное общение: общение «Я – Внешнее-я». Ведомый на момент коммуникации предстает как внешняя часть «Я» ведущего, не ощущающая своей отдельности и индивидуальной значимости вне ведущего. Как и при диалоге, между ведущим и ведомым внутриличностной практики отсутствует отчуждение и наличествует доверие, но в отличие от диалога их социальные позиции не паритетны и не симметричны. Между ними нет пространства слияния – пространства «между»: они составляют нерасчленимое коммуникативное целое. Ведомый ещё не готов проявить оригинальность, он уподобляет себя ведущему и смотрит на мир его глазами. Он последователь ведущего, но не его соратник, имеющий собственную позицию и идущий плечом к плечу, а его нравственный преемник, продолжающий дело ведущего, принимающий его Жизненный мир и идущий следом.

Итак, на микросоциальном уровне было выделено четыре идеальных типа социальных практик явления сказки, два из которых способствуют интериоризации интенций сказки ведомым (внутриличностная и экзистенциальная), а два – не способствуют (ситуативная и нарративно-автокоммуникативная). Для формирующих практик дифференцирующим признаком является степень интериоризации: глубинная или вторичная, для отчужденных – процедура отношения со сказкой, способствующая самоформированию реципиента или таковой неспособствующая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сопикова Т. А. Социальный порядок явления сказки (идеальные типы на макросоциальном уровне) // Изв. СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 71–78
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

T. A. Sopikova

SOCIAL PRACTICES OF TALE ACTUALIZATION (IDEAL TYPES ON THE MICROSOCIAL LEVEL)

The limits of tale are wider than the limits of its text. The tale is created by producer and recipient activity: by their relation to the tale and by communication between themselves. Actualized tale is social event. It doesn't exist without this event. This event is a part of general social practices and at the same time it is individualization of ones. This article concerns the individualization (microsocial level). The task of this article is investigation of tale influence on recipient. The result is description of four ideal types of social practice, which is conducive to forming recipient (socialization or individualization) or to his estrangement.

Tale, social practice, ideal type, communication, autocommunication, existence, narrative, estrangement

ОБУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКЕ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА В ЦЕЛЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Посвящена проблемам обучения эмоционально-оценочной лексике неродного языка в рамках межкультурной коммуникации. Также рассматривается понятие «экспрессивность», некоторые средства создания экспрессивности, структура коннотации.

Эмоционально-оценочная лексика, межкультурная коммуникация, языковая картина мира, экспрессивность, коннотация, экспрессивно-стилевая окраска

Лингвисты, изучающие проблемы межкультурной коммуникации, указывают на особую роль лексики и её системного описания в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира [1], [2]. Языковая картина мира наглядно демонстрирует различия между системами национальных языков, обусловленные тем, что каждому языку присущи некоторые особенности организации общественного опыта и способность определённым образом ориентировать способ выражения мысли [3]. Учёными неоднократно отмечалось, что языки, адекватно и полно отражая одну и ту же объективную действительность, выделяют в ней неоднотипные признаки. Языки пользуются разными «внутренними формами», не говоря уже о разных языковых средствах, наличии сложных взаимоотношений между лексическими и грамматическими системами двух языков, отчего семантическое содержание эквивалентных лексических единиц в разных языках оказывается, как правило, несовпадающим. Экспрессивная окраска лексики также не является идентичной в разных языках в связи с тем, что лексическая экспрессивность во многом определяет своеобразие словарного состава отдельных национальных языков.

Слово является пунктом пересечения всех языковых уровней: лексического – как носитель определённых знаний об объекте и грамматического – как представитель определённого правила его использования в дискурсе. Неслучайно поэтому овладение лексическим богатством изучаемого языка как базисным аспектом языковой системы, отражающей национальное сознание, является первоосновой усвоения языка в целом. Особая роль принадлежит эмоционально-оценочной лексике, которая представляет значительные трудности для овладевающих неродным языком, но в то же время усвоение этого лексического пласта рассматривается как необходимое условие осуществления адекватной межкультурной коммуникации.

Проблемы экспрессивности лексики неоднократно становились предметом обсуждения лингвистов А. А. Потебни, Ж. Вандриеса, В. Н. Телия, В. И. Шаховского, Д. Н. Шмелёва, И. А. Стернина, М. И. Черемисиной, З. М. Дворной, Н. А. Лукьяновой, Т. В. Матвеевой и др. Наиболее актуальной в настоящее время остаётся проблема соотношения понятий «экспрессивность», «эмоциональность» и «оценочность». В связи с этим понятие

«экспрессивность» до сих пор не имеет точного определения. В широком смысле экспрессивность понимается как свойство языковых и речевых единиц выражать эмоционально-оценочное состояние автора и его небезразличное отношение к означаемому, речевому партнёру, коммуникативному событию в целом или к самому себе [4]. Средства выражения экспрессивности многообразны и связаны со всеми уровнями языковой системы. На морфемно-словообразовательном уровне экспрессивность может создаваться с помощью экспрессивных аффиксов с частными значениями усилительности и эмоциональности: нейтральное слово *Politiker* – политик подобным образом превращается с помощью иностранного суффикса *-us* в *Politikus* (разг. шутл.) – доморощенный политик и *Politikaster* (неодобр.) – политикан; возможно в сочетании с использованием словообразовательных моделей и их модификаций: от слова *Esel* – осёл, употребляемого также в переносном значении (о глупом или упрямом человеке), с помощью суффикса *-ei*, обычно служащего для образования отглагольных существительных, образовано слово *Eselei* – (разг.) глупость. Лексическими средствами создания экспрессивности могут считаться все типы переносов лексического значения, и основной источник экспрессивности – образность: *wetterwendisch* – (неодобр.) капризный, непостоянный, т. е. переменчивый как погода.

В современных условиях расширяющегося международного сотрудничества, активного обмена устной и письменной информацией обучение эмоционально-оценочной лексике должно занимать значительное место при изучении иностранных языков, поскольку согласно положениям классической психологии эмоции являются одним из важнейших моментов речемыслительной деятельности [5]. Эмоционально-оценочная лексика в отличие от нейтральной обладает коннотацией, т. е. компонентами семантики, дополняющими её предметно-понятийную часть (денотацию) и связанными с психологическим отношением субъекта речи к любой составляющей речевого акта.

В структуре коннотации можно выделить несколько типов компонентов (оценочный, параметрический, стилевой, культурный, образный), каждый из которых может быть единственным или выступать в разных сочетаниях с другими [6]. Оценочный компонент коннотации отражает мнение субъекта речи о предмете речи, связанное с обобщёнными понятиями «хорошо/плохо». В качестве самостоятельного компонента выделяется в словах, объективное значение которых связано с известным по опыту оценочным результатом: *pfuschen, stümpern* – (разг.) плохо, недобросовестно работать, халтурить. Как правило, этот компонент неразрывно связан с выражением эмоций говорящего, поэтому более целесообразно говорить об эмоционально-оценочном компоненте: *Lappen* – (презр.) тряпки (о женских нарядах); (разг.) тряпка (о слабовольном человеке). Здесь помимо отрицательной оценки выражено презрительное отношение. Параметрический компонент указывает на превышенную или пониженную по отношению к норме степень проявления признака, заключённого в лексическом значении: *hochaufgeschossen* – (разг.) долговязый, т. е. слишком высокий; *Knirps* – (шутл.) коротышка (о человеке очень маленького роста). Интенсификация или экстенсификация признака вызывает определённое эмоциональное переживание. Стилевой компонент указывает на традицию употребления слова в рамках функциональных стилей. Культурный компонент соотносится со знанием образа жизни, традиций, мировоззрения определённого культурного со-

общества: «Küche, Kinder, Kir-che» – «кухня, дети, церковь», – эти слова являются лозунгом немецкого «домостроя». Подобные слова обладают дополнительными значениями, вытекающими из немецкой культуры и истории. Образный компонент присутствует у слов в переносном значении: Affe (перен. бран.) – обезьяна (о человеке); Papagei (перен.) – попугай (о человеке, повторяющем чужие слова и действия); Wetterfahne (перен.) – флюгер (о человеке, часто меняющем свои взгляды).

Совокупность коннотем (лексических единиц, обладающих коннотацией) создаёт языковую картину человеческой психики, преломление картины мира в сознании человека, его ощущениях и оценках. Наряду с нейтральной лексикой, создающей языковую картину предметного мира и мира человеческих знаний и опыта, эмоционально-оценочная лексика придаёт полноту и своеобразие целостной языковой картине мира.

Однако при восприятии и употреблении эмоционально-оценочной лексики иностранного языка у обучаемых часто возникают значительные трудности, в том числе, незнание некоторых значений слова, его стилевой или экспрессивной окраски, неумение поместить лексему в соответствующий контекст, а также проблемы, связанные с национально-культурной спецификой лексики. Иногда трудности усвоения эмоционально-оценочной лексики связаны с объективными причинами. Н. А. Лукьянова, в частности, отмечает, что «состав экспрессивных единиц не имеет чётких границ» [7]. В толковых словарях, а это основной вид описания лексики, система экспрессивно-стилистических помет складывается стихийно, в некоторой степени произвольно, вследствие чего в разных словарях наблюдается немалый разноречивый в пометах, отражающих стилевую и экспрессивную окраску. З. Е. Александрова указывает ещё на одну причину появления разных помет экспрессивно-стилистической окраски одних и тех же слов в разных словарях: «Стилистические пометы не следует принимать как категорические утверждения», так как, в частности, «грань, отделяющая разговорные слова от просторечных, чрезвычайно подвижна», а также «изменения происходят каждое десятилетие, если не чаще» [8].

Практика работы с эмоционально-оценочной лексикой иностранного языка позволяет выработать некоторый комплекс упражнений для формирования умений и навыков по усвоению и использованию в речи эмоционально-оценочной лексики. Схематично этот комплекс можно представить следующим образом: 1) определение значения эмоционально-оценочной единицы в конкретном текстовом или речевом окружении; 2) анализ дефиниции толкового словаря, расшифровка помет стилевой и экспрессивной окраски; 3) подбор синонимов и антонимов, в том числе, нейтральных, для более точного выявления экспрессивно-стилистических особенностей лексем; 4) морфемный анализ производных и сложных единиц; 5) сопоставление с лексическими эквивалентами родного языка по структуре значения, экспрессивно-стилистической окраске и морфемному составу; 6) составление словосочетаний и предложений с эмоционально-оценочными лексемами с целью определения их возможной сочетаемости; 7) составление диалогов или текстов с использованием эмоционально-оценочных лексем для выявления характерных ситуативных контекстов их употребления.

Всестороннее изучение эмоционально-оценочной лексики должно способствовать повышению языковой и коммуникативной компетенции, позволяющей использовать язык

осознанно и творчески. Это позволит в целом повысить эффективность обучения иностранному языку и, вследствие этого, будет способствовать более полноценной и адекватной коммуникации и взаимопониманию представителей разных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Флинта, 2002.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003.
4. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: УРСС, 2004.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
6. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986.
7. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986.
8. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Рус. яз, 2003.

J. Zhuravleva

TEACHING THE EMOTIONAL-VALUING VOCABULARY OF FOREIGN LANGUAGE WITH THE PURPOSE OF IMPROVEMENT OF THE CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The article is devoted to the problems of teaching the emotional-valuing vocabulary within the framework of the cross-cultural communication. Considered is also the concept of the expressiveness, some means of its creation, the structure of the connotation.

Emotional-valuing vocabulary, cross-cultural communication, linguistic world conception, expressiveness, connotation, expressive-stylistic complex

УДК 800

Л. В. Лаенко

ВОСПРИЯТИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ

На основе определения онтологических свойств восприятия как данности, присущей человеку, аргументируется его значимая роль в процессе межкультурной коммуникации. Постулируется необходимость учета фактора различных стратегий восприятия в условиях межкультурной коммуникации, с одной стороны, а также фактора национально-специфической языковой репрезентации интенций коммуникантов – с другой, для достижения их целей и намерений.

Восприятие, коммуникация, процесс, идентификация, интерпретация, язык, интеллект, знание, культура, тип

Физический механизм восприятия един для всех человеческих существ: органы чувств/восприятия подают сигнал через нервную систему в мозг, где происходит его идентификация и интерпретация. Если первая фаза этого процесса у всех людей одинакова (звуковые волны, слуховые, зрительные типы информации поступают в мозг по одним и тем же каналам), то процесс идентификации и интерпретации полученных ощущений определяется культурой. Хотя мозгом воспринимается окружающий мир отдельно взятого человека, именно культура определяет то, как последний оценивает и интерпретирует полученную информацию. Это, однако, не означает, что все представители одной культуры абсолютно одинаково воспринимают мир: в рамках одной культуры можно встретить большой спектр различий. Но культура определяет нашу субъективную реальность, и, следовательно, существует пря-

мая зависимость между культурой, восприятием и поведением. Поведение – наша реакция на восприятие окружающего мира – есть нечто приобретенное и культурно обусловленное. Каждая культура дает своё представление об окружающем мире. И лишь осмыслив представления других, мы способны общаться с ними и понимать своё поведение.

Особенности чувственного познания и восприятия как формы знания относятся к числу классических проблем философского и психологического знания, исследовательский интерес к которым никогда не ослабевал.

Окружающая действительность представлена каждому из нас в непосредственно-чувственной форме: многообразием красок, звуков, запахов, вкусов, прикосновений или боли. Эти впечатления структурированы в пространстве и времени, носят предметный характер и обнаруживаются там, где локализуется его источник, – в среде, внутри или на поверхности тела человека. Как элементы внутреннего мира, они включены в организацию его психической жизни, и потому всё, что касается природы человека и его отношений к действительности, предполагает чувственную основу или **перцептивную составляющую**.

Восприятие – это непрерывающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в реализации которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему. Поэтому процесс восприятия – явление многоплановое, полиморфное и полидетерминированное. Подобно другим психическим явлениям, восприятие включено во всеобщую взаимосвязь процессов материального мира, обуславливается ими и так или иначе влияет на их протекание. Чтобы дать более глубокое определение феномена, его необходимо рассмотреть в системе фундаментальных отношений:

- 1) к действительности, в которой пребывает человек;
- 2) к воспринимающему индивиду;
- 3) к формам его активности, к телесной организации.

Включаясь в разные отношения бытия, феномен восприятия обнаруживает разные грани и описывается с помощью различных понятий, так как воистину восприятие многомерно. И хотя в классификациях психических явлений восприятию отводится место в ряду познавательных процессов, по своему содержанию и функциональным возможностям оно значительно шире. Перцептивные явления включают и состояния индивида (установки, эмоции, внимание, волевой компонент), и его психические образования (перцептивный опыт, умения, навыки), и свойства личности (перцептивные способности, черты характера, направленность).

В восприятии обнаруживаются ключевые признаки мышления – опосредованность и обобщённость. Любая информация извне преломляется прошлым опытом, потребностью, установкой и т. п.; непосредственного восприятия в строгом значении этого слова не существует. Наряду с уникальностью и неповторимостью содержания каждый акт восприятия включает момент обобщения, фиксируемый в перцептивных категориях, схемах и планах. Подобно мышлению, восприятие проявляет себя как процесс решения задачи.

Онтологически (конкретно) понятый субъект выражает основу многообразных отношений человека к действительности. Вступив в определенные отношения и играя определенную роль (выполняя функцию), индивид не просто подчиняется действительности, но и воплощает в ней самого себя, продолжая себя в мире.

Итак, субъект играет роль внутренней предпосылки перцептивного процесса, сам же этот процесс открывается как реализация потенциала и ресурсов субъекта восприятия. Поскольку перцептивные задатки, способности, направленность и черты личности проявляются и развиваются в ходе восприятия, его формирование и развитие не могут быть сведены к получению, накоплению и организации чувственных данных. Этот процесс захватывает движение и мотивационной, и операциональной, и когнитивной сторон восприятия. Убежденность в этом позволила психологам [1] высказать смелую мысль о том, что целесообразно говорить о формировании и развитии **перцептивного интеллекта**, включающего как структуры поиска, приема, преобразования и антиципации информации (перцептивные схемы, карты и т. п.), так и структуры, обеспечивающие регуляцию и саморегуляцию перцептивной активности (перцептивный план, установку и т. п.) [2], [3].

Следует также помнить о том, что субъект существует в контексте конкретных сфер бытия, с каждой из которых человек вступает в отношения и проявляет себя в разных ипостасях: как телесное существо в физической системе отношений, как организм в рамках биологической системы, как познающая (воспринимающая) мир личность в контексте социальной системы. В последнем случае, когда человек вступает в отношения с людьми и коммуницирует с ними, социальная система благодаря этому формирует личностные свойства субъекта восприятия (его направленность, способности, характер), определяет собственно человеческие способы его взаимоотношений с действительностью (деятельность, общение, игра и т. п.) и видоизменяет объект восприятия, в содержание которого включаются другие люди (их поведение, состояние, отношения, роли, занимаемые позиции и т. д.), а также предметы и события культуры [4], [5]. Исключительного развития в таком случае достигает коммуникативная функция человека, когда взаимодействие субъекта восприятия с миром подчиняется законам общественной жизни. Восприятие мира опосредуется знаковыми системами [6], деятельностью [7], культурой в целом [8], [9] и включает в себя символическое содержание [10]. Особую роль тогда начинают играть не столько поиск и прием полезной информации, сколько её интерпретация – включение в смысловые контексты или семантические поля воспринимающего [11]–[13]. Перцептивные потребности и способы их удовлетворения наполняются социальным содержанием, усиливается волевой компонент, чувственный образ становится осознаваемым, появляется **ценностная составляющая восприятия**, нравственно-этический и эстетический компоненты. Наконец, принимая ценности, нормы и интересы своей группы, лингвосообщества, человек воспринимает и себя, и мир по крупному счету «глазами» коллективного субъекта [5], [14], [15]. На уровне **социальной перцепции** природный пласт её организации оказывается снятым. Чувственное восприятие человека представляется как результат его исторического развития, влияния социокультурных детерминант.

Таким образом, разные типы отношений индивида в разных сферах бытия высвечивают различные характеристики субъекта восприятия. Но это качества и свойства одного и того же индивида; несмотря на различие модальностей, они предполагают и опосредуют друг друга. **Телесность, организмичность и социальность субъекта восприятия едины.**

Перцептивный процесс, организующий восприятие друг друга партнерами по общению и способствующий на этой основе установлению взаимопонимания, наряду с процессом обмена идеями, мнениями, информацией между людьми на разных уровнях (формальном/неформальном, интеллектуальном/эмоциональном, межличностном, межгрупповом, межкультурном и т. д.), а также с интерактивным процессом, организующим деятельность, протекающую между партнерами (обмен действиями, планирование общей деятельности), входит на правах составляющей в процесс коммуникации/общения.

В общении участвуют как минимум два партнера, и каждый из них в той или иной степени проявляет свою активность. В связи с этим при построении стратегии взаимодействия каждому из партнеров необходимо принимать во внимание потребности, установки, мотивы другого, таким образом, в процессе общения каждому из них приходится осознавать себя через другого. Это осознание имеет две стороны: идентификацию и рефлекссию. Под идентификацией понимается отождествление себя с другим человеком. В практическом плане идентификация выступает в качестве одного из механизмов познания и понимания партнера в процессе общения.

Нагляднее всего роль и место восприятия можно продемонстрировать на примере межкультурной коммуникации представителей высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных культур.

Высококонтекстуальные культуры (Восток) чаще всего являются коллективистскими. При этом большое значение придается личным взаимоотношениям. Низкоконтекстуальные культуры (Запад) отличаются индивидуализмом, их представители меньше ценят личные взаимоотношения, а больше – письменные договоренности. Поэтому нередко начальная стадия, например, делового общения связана с трудностями: высококонтекстуалам требуется больше времени на то, чтобы узнать друг друга, получить ту самую контекстуальную информацию, без которой они не могут общаться; низкоконтекстуалы могут сразу перейти к делу, они обо всем скажут напрямую, у них нет острой необходимости *чувствовать* собеседника. Но интересно наблюдать, как в ходе развития личных взаимоотношений между деловыми партнерами, по мере того, как они лучше узнают друг друга, потребность в словесных выражениях уменьшается и взаимоотношения от низкоконтекстуальных переходят к высококонтекстуальным.

Учитывая отмеченные различия, легко представить, что представители низкоконтекстуальных культур могут столкнуться (и сталкиваются) со множеством сложностей при общении с представителями высококонтекстуальных обществ – и наоборот. Восприятие сказанного лишь по его форме, пренебрежение невербальными сигналами и отсутствие представления о значимости дополнительной информации, заложенной в культурных нормах и традициях, – всё это мешает взаимопониманию при межкультурном общении. С другой стороны, излишне прямая, открытая и напористая манера высказывания может быть чревата срывом межкультурной коммуникации.

Развивая мысль о взаимосвязи восприятия, культуры и поведения, вспомним теорию «относительности восприятия» [16], объясняющую, как люди понимают происходящее. Эта теория, которая помогает объяснить, что происходит при межкультурном общении, основывается на следующих постулатах:

- всё поведение рационально и логично с точки зрения субъекта;
- представители разных культур воспринимают и создают свое окружение по-разному, и оно приобретает определенный смысл в зависимости от определенного культурного наследия;
- для успешного взаимодействия с представителями других культур мы должны научиться воспринимать и интерпретировать ситуацию так, как они, для чего нужно попытаться поставить себя на их место.

В заключение представляется важным отметить, что для достижения позитивного результирующего эффекта коммуникативного процесса любого типа и на любом уровне следует не упускать из виду одну из его значимых составляющих – восприятие, идентификация и грамотная интерпретация результатов функционирования которого позволят не только избежать коммуникативных ошибок, но и оптимально реализовать коммуникативные намерения говорящего/говорящих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанщиков В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
2. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.; Томск: Барс, 1997.
3. Barry A. M. Visual intellect. New York: State university of New York Press, 1997.
4. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
5. Бодалев А. А. Личность и общение. М.: Педагогика, 1983.
6. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры. М.; Воронеж: АПСН, 1996.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
8. Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр, 1997.
9. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
10. Крючкова В. А. Символизм в изобразительном искусстве. М.: Изобраз. искусство, 1994.
11. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука-Смысл, 1999.
12. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
13. Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
14. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-пресс, 1997.
15. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
16. Nuczynski A., Buchanan D. Organizational behavior Englewood Cliffs. NJ: Prentice Hall, 1991.

L. V. Laenko

PERCEPTION AS A CONSTITUENT OF COMMUNICATION PROCESS

The article claims the ontological status of perception and its role in multicultural communication. It is proved that a success in communication depends on taking into account various perceiving strategies, on the one hand, and national-specific language representation of communicators' intentions, on the other.

Perception, communication, process, identification, interpretation, language, intellect, knowledge, culture, type

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ КУРСА «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОРОДА»

Излагается концепция построения авторского курса «Лингвистический анализ города», основной составляющей которого является региональный компонент.

Межкультурная коммуникация, региональный компонент, междисциплинарность, теория заимствования, языковые контакты, языковая картина, языковая личность, когнитивная база, городской фольклор

Одним из актуальных направлений современной гуманитарной науки является межкультурная коммуникация (МКК), наука на стыках, в перспективе дающая возможность избежать серьезных конфликтов, сотрясающих современный мир. Возникшая в США как ответ на конкретные потребности общества и первоначально носившая характер прагматических рекомендаций, МКК привлекает внимание специалистов самых разных областей знания. В силу высокого уровня междисциплинарности в настоящее время существует множество определений этой новой области знания, рассматривающих возможности науки под определенным углом зрения. Однако все ученые считают обязательным включение в понятие «МКК» регионального компонента как важнейшего фактора приложения теоретических знаний и своего рода полигона для опробования теоретических положений. Именно поэтому в стандартах подготовки специалистов в области теории и практики МКК должны быть курсы, имеющие региональную составляющую и разрабатываемые с учетом местной специфики.

Геополитическое положение Санкт-Петербурга, его история и культура, неофициальный статус интеллектуальной столицы России, романтический и благородный имидж незаслуженно униженного, но хранящего достоинство «провинциального» аристократа, дают неисчерпаемые возможности для создания подобных курсов. Учитывая многонациональный и поликонфессиональный характер практически всех регионов России, родственные дисциплины частично могут базироваться на идеях, изложенных далее, причем именно эти предметы должны развивать интерес к родной истории и культуре и воспитывать чувство патриотизма.

Целями и задачами курса «Лингвистический анализ города» является изучение взаимодействия и симбиоза культур в пространстве Санкт-Петербурга, анализ этнолингвокультурологических параметров города (исследования его когнитивной базы, языковой картины и т. д.) в синхронии и диахронии, а также формирование навыков социолингвистических исследований конкретного языкового материала.

Следует отметить интердисциплинарность курса, опирающегося на такие предметы, как языкознание, социо- и психолингвистика, культурология, культурная антропология, основы теории межкультурной коммуникации и т. д. Особо следует отметить такой неразрывно связанный с данным предметом авторский курс, имеющий историко-культурологический характер, как «Межкультурные параллели в Санкт-Петербурге».

Хрестоматийным является тезис о языке как зеркале культуры. В этом отношении язык города на Неве не является исключением. Богатая история города, его культура, имеющая мировое значение, своеобразный уклад жизни, менталитет, особое положение в России – все отразилось в языке северной столицы.

С момента основания Санкт-Петербург был городом-космополитом, для которого основная заповедь межкультурной коммуникации – идея трех «Т» – терпимости, терпения и толерантности [1] была не абстракцией, а жизненной необходимостью, именно поэтому город на Неве является исключительным объектом изучения для специалистов МКК.

Множество факторов формировало языковой облик города – это и его уникальность, непохожесть на другие города России, столичность, «избранность», придворная жизнь, задававшая моду во всех сферах культурной жизни России, это, наконец, генеалогия императорской семьи, особенно ее женской половины.

Многочисленные диаспоры с компактным поселением, традиционными занятиями, устойчивые позиции иностранцев в ключевых для существования России сферах: в политике, экономике, науке, армии, промышленности, культуре, торговле, образовании были причиной несравненно большего, чем в других городах страны, влияния разных иностранных языков в определенные исторические эпохи. К вышеупомянутому примыкают и такие немаловажные факторы, как поликонфессиональность и традиционная веротерпимость, также нашедшие свое отражение в языковой картине Санкт-Петербурга.

Нельзя забывать и о такой составляющей менталитета города, как отношение русского населения к иностранцам – от ксенофобии до поклонения, что стало источником различных коннотаций, а также повлекло за собой создание целого пласта городского фольклора. В классической русской литературе XIX–XX вв. возникает тема «Иностранцы – петербуржцы».

Особо следует выделить диахронический экскурс, непосредственно связанный с историей города. Исключительная для России полигlossия, царившая с момента основания города, подтверждается в курсе фрагментами аутентичных текстов, фиксируется в сохранившейся до наших дней топонимике города, которая является объектом изучения в данном аспекте. Однако и современный Санкт-Петербург, впрочем, как и вся Россия, находится под мощным влиянием иностранных языков, в основном «английского языкового империализма». Этот феномен традиционно привлекает внимание лингвистов и также анализируется.

Таким образом, важнейшим аспектом курса является анализ основных пластов заимствований, изучение причин доминирующего влияния языков-доноров в разные исторические эпохи, характеристика типов заимствований, анализ лексических единиц, возникших как результат народной этимологии. Методологически эта часть курса опирается в рамках классического языкознания на теорию заимствования и теорию языковых контактов, а также на прослушанный ранее культурологический цикл.

Современный Санкт-Петербург как сложный социолингвистический организм также является объектом изучения. Рассматриваются профессиональные, гендерные, возрастные характеристики населения, особенности города как интеллектуальной и культурной столицы России с точки зрения специфических речевых характеристик городских субкультур. Студентам предлагаются примеры различных языковых микроситуаций, возникаю-

щих в пространстве города, сравниваются различные формы речевого поведения (оппозиция узусов «по-петербургски» / «не по-петербургски»). Подъязыки классифицируются и анализируются на основе современных методов социолингвистики.

В русле актуальных направлений современного языкознания – этнопсихолингвистики [2]–[4] и лингвокультурологии [5] исследуются прецедентные феномены (прецедентные имена, тексты и ситуации), характерные для Петербурга. Материалом для анализа служат исторические сведения, а также городской фольклор разнообразных жанров – от специфической «питерской» лексики, фразеологизмов, идиом, поговорок, мифов, легенд до исторических анекдотов [6], [7]. На основе знаний, полученных в курсе «Основы теории межкультурной коммуникации», рассматривается в общих чертах когнитивная база субкультуры Петербурга, некоторые коллективные культурные пространства, характерные для города на Неве, и возможные сферы их пересечения.

Анализируются культурные доминанты северной столицы и на их основе выделяются наиболее важные лингвокультурные концепты [4], которые, в свою очередь, дают возможность приблизиться к построению языковой картины Санкт-Петербурга [8]. Методика изучения культурных доминант в языке опирается не только на лингвистические методы, но и дополняется исследованиями смежных дисциплин – истории, этнографии, культурологии, психологии и т. д. Только в этом случае возможно достаточно полно осветить различные стороны концепта. Поскольку данный курс является синтетическим, в значительной мере «подводящим итоги», выполнение этой достаточно сложной задачи становится реальным. В русле подобных исследований с привлечением знаний в области межкультурной коммуникации, в частности, базового понятия МКК «стереотип», рассматривается несколько типов языковой личности, характерной для Санкт-Петербурга.

Петербург как литературный герой, как город-символ и культурологический текст – темы курса, связанные с культурологией, литературоведением и семиотикой.

Кроме того, в рамках курса «Семиотика» предусматриваются краткие экскурсии по городу, которые в значительной мере также могут служить базой для курса «Лингвистика города».

Следует добавить, что, кроме теоретических курсов, студенты обращаются к обширному корпусу текстов на иностранных языках, видео- и аудиоматериалам, посвященным городу и разработанным специально для учебных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
2. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
3. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учеб. пособие. М.: Наследие, 1997.
6. Синдаловский Н. А. Петербург в фольклоре. СПб.: ИТД «Летний сад», 1999.
7. Пыляев М. И. Старый Петербург. Л.: ТИТУЛ, 1990.
8. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. Системный подход: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003.

The construction concept of the author's course "Linguistic Analysis of the City" is stated, the basic constituent of which is regional component

Cross cultural communication, regional component, interdisciplinary character, adoption theory, language contacts, language pattern, language personality, cognitive base, city folklore

УДК 8

М. М. Тонкова

ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматриваются гендерные стереотипы невербальной коммуникации. Выявляются особенности их функционирования в художественном тексте. Собранный материал подтверждает идею зависимости невербального коммуникативного поведения от гендера.

Гендер, гендерные стереотипы, невербальная коммуникация, маскулинный стиль коммуникативного поведения, фемининный стиль коммуникативного поведения, декодирование

Гендерные стереотипы отражают сформировавшиеся культурно и социально обусловленные представления о поведении мужчин и женщин. Как и другие стереотипы, имеющие обобщающий характер, гендерные стереотипы, с одной стороны, упрощают реальную ситуацию, а с другой – помогают человеку ориентироваться в окружающей действительности, структурируя получаемую информацию. На наличие определённых гендерных стереотипов коммуникативного поведения указывают многие учёные, отмечая бóльшую коммуникативную направленность на говорящего и соблюдение этикетных норм, отсутствие доминантности и бóльшую экспрессию в речевом поведении женщин [1], [2]. Гендерные коммуникативные стереотипы отражают представления общества не только о вербальном, но и о невербальном поведении обоих полов; считается, что невербальное поведение мужчин и женщин различно [3]–[5]. В результате этого различия отдельные компоненты невербального поведения стали оцениваться как более характерные для мужчин или же для женщин и в процессе регламентации норм гендерного невербального поведения нашли своё отражение в языке: “мужская походка”, “визжать, как баба”, “дрожать от страха, как девчонка”. Изучение гендерных аспектов невербальной коммуникации показало наличие (более) мужских (маскулинных) и (более) женских (фемининных) стилей невербального поведения [2].

Мужское и женское в невербальной коммуникации рассматривается с различных точек зрения: гендерный аспект эмоциональности в её невербальном проявлении [6], культурологический аспект гендерных различий в невербальном поведении [3], способность к декодированию невербального поведения у мужчин и женщин [7]. В настоящем исследовании, материалом которого является художественный текст, мы остановимся на проблеме авторского использования гендерных стереотипов невербального поведения. Отражение компонентов невербальной коммуникации в художественном тексте представляет собой двойственный процесс: с одной стороны, эти компоненты (мимика, жест) представлены очень детально, чтобы читатель мог легче декодировать исходное значение в процессе

смыслового восприятия, с другой же стороны, при всей детализации в описании невербальных компонентов в письменной речи вербальный контекст необходим. Для сохранения исходной информации необходимо однозначное декодирование средств мимики и жеста, а для этого адресат (читатель) должен заранее знать описываемый жест, его форму и содержание. Стереотипы, сложившиеся в сознании читателя, к которым апеллирует автор, способствуют адекватному восприятию произведения. Как отмечает И. С. Баженова, отражение в художественном тексте невербальных гендерных стереотипов “является совокупностью социокультурных представлений автора о конструировании гендера” [6].

Роман Дэвида Лоджа “Хорошая работа” (“Nice Work”) даёт чрезвычайно интересный материал для анализа мужского и женского стилей коммуникативного поведения: среди действующих лиц мы встречаем “типичного мужчину” – Вика Вилкокса, “типичную женщину” – его жену Марджори и феминистку – Робин Пенроуз. Действие романа происходит в 80-е годы в Англии, когда в обществе функционируют различные гендерные модели (более подробно о гендерных моделях см. [8]). Если описание коммуникативного поведения Вика и Марджори строится на оппозиции мужского и женского, то при описании Робин подчёркивается сочетание мужского и женского в её коммуникативном поведении.

Марджори – домохозяйка, вырастившая троих детей, материально и психологически зависимая от доминирующего в семье мужа. Она всеми силами старается избегать семейных конфликтов, сглаживать острые углы, сохранять семейный очаг. Через описание невербального поведения Дэвид Лодж акцентирует эмоциональность Марджори: “her lower lip began to tremble” [9, с. 14], “she blushes” [9, с. 21]. С точки зрения Дэвида Лоджа “типичной женщине” трудно сдерживать свои эмоции. Когда известие радует Марджори – радость освещает её лицо: “Marjorie brightens. She smiles, and two dimples appear in her pasty cheeks” [9, с. 23]. Огорчение также трудно скрыть: “Marjorie’s dimples fade abruptly, like the sun going behind a cloud” [9, с. 23]. Ожидая услышать плохие новости, Марджори даже не в силах продолжать работу по хозяйству, руки её слабеют: “You are early,” she said, letting a potato fall into the water with a splash. “What the matter?” [9, с. 370]. Марджори свойственна эмпатия, стремление понять собеседника, внимание к его проблемам: «Marjorie came over and put her arms round him. “Oh, Vic,” she said, “I’m sorry for you. All that work» [9, с. 370].

Вик Вилкокс, директор-распорядитель местного завода, предстаёт перед нами человеком успешным, достигшим в жизни многого. Как замечает Дж. Грей (J. Gray), основными ценностями для мужчин являются власть, профессионализм и компетентность [10, с. 16]. Такие атрибутивные компоненты невербальной коммуникации как деловой костюм, престижная машина, дорогие часы должны подчёркивать статус и успех: “He glanced at his watch, extending his wrist just long enough to show that it was a Rolex” [9, с. 186]. Или: “He hadn’t even got a coat or overall to cover his business suit. Some kind of macho pride, presumably. The boss must appear invulnerable” [9, с. 129]. “Босс – неуязвим”, – как бы подчёркивает Вик, не надевая спецодежду в цеху.

Дэвид Лодж наделяет своего героя типично мужскими жестами: “He returned, scratching his chin thoughtfully.” “Funny, I never noticed it” [9, с. 141] – так мужчины часто выражают своё удивление, недоумение. Собираясь на работу, Вик, как и многие мужчины, хлопает

себя по карманам, проверяя, не забыл ли чего: "... Vic says, patting his pockets, checking for wallet, diary, key ring, calculator, cigarettes and lighter" [9, с. 26]. Когда Марджори небезосновательно заподозрила Вика в супружеской измене, он, чтобы снять подозрения и продемонстрировать своё тёплое отношение к ней, легонько её шлепает: "I thought there might be another woman," she said. "He laughed, and slapped her lightly on the bottom" [9, с. 371] – жест весьма типичный для мужского стиля коммуникативного поведения.

Среди гендерных коммуникативных стереотипов отмечается бóльшая социальная агрессивность мужчин [2]. Например, даже при первой встрече с Робин Вик не считает нужным смягчить упрёк за опоздание улыбкой: "He did not lighten this rebuke with a smile" [9, с. 110]. Он не скрывает своё презрительное отношение к молодым людям, посещающим дисциплину "женские исследования" (women's studies), считая их гомосексуалистами: "Boys?" Wilcox curled a lip. "Nancy boys?" [9, с. 114]. Вик демонстрирует недовольство выбором профессии дочерью: «"Hairdressing!" he puts as much contempt into his voice as he can muster» [9, с. 21].

И. С. Баженова в своём исследовании гендерных аспектов невербальной коммуникации на материале русского языка отмечает, что автор, описывая, как персонаж произнес ту или иную реплику, обращается к звукоподражательным глаголам чаще, если речь идёт о мужском стиле коммуникативного поведения [6]. Данное наблюдение находит своё подтверждение и на материале английского языка – Дэвид Лодж, описывая коммуникативное поведение Вика, также использует звукоподражательные глаголы: grunt, guffaw, sniff, bark.

Известно [4], что мужчины лучше женщин контролируют своё невербальное поведение, поскольку для "настоящего мужчины" проявление эмоций считается нежелательным. Вместо того чтобы выразить печаль, боль, смущение, страх, мужчины предпочитают скрывать подобные эмоциональные состояния: "He forced a laugh to cover his embarrassment" [9, с. 221]. В следующем примере Вик не смотрит на Робин, так как взгляд может выдать его смущение: "He added", without looking at her: "Come to lunch next Sunday" [9, с. 224]. Как считает И. Н. Горелов, в некоторых случаях невербальная информация и прежний экстралингвистический опыт общения являются более значимыми, нежели вербальное сообщение [11, с. 138]. Невербальные компоненты "выдают" говорящего, поскольку к ним адресат испытывает большее доверие. В следующем примере невербальный компонент – охрипший от волнения голос – говорит адресату больше, нежели вербальный компонент: «"You are not worried about being impotent?" she says. "No," he says hoarsely» [9, с. 290].

Стили коммуникативного поведения Марджори и Вика, описанные Дэвидом Лоджем, укладываются в рамки классической гендерной модели: оппозиция мужского и женского, превосходство мужского над женским, отчуждение мужского и женского, вторичность сферы деятельности женщины [8, с. 163–164]. Но подобная модель не подходит для другого действующего лица романа – Робин Пенроуз, университетского преподавателя, специалиста по английской литературе. Робин – феминистка, не признающая не только превосходство мужского над женским, но и принцип дополнительности в отношении полов. Она говорит: "I don't need a man to complete me" [9, с. 380].

Дэвид Лодж, описывая коммуникативное поведение Робин, смешивает мужской и женский стили общения. Лодж обращает внимание читателя на манеру Робин одеваться – для неё одежда не является символом успеха или статуса, как для Вика, и не является спо-

собом привлечь внимание мужчин, как для Марджори: “Look at me, desire me, marry me” [9, с. 225]. Робин одевается для себя – чтобы ей было удобно и комфортно: “She turned herself out as if entirely for her own pleasure and comfort” [9, с. 225].

Изменить невербальное коммуникативное поведение сложнее, чем манеру одеваться или речь, поскольку жестовые движения, позы имеют биологическую основу. Это положение находит своё отражение в романе: «“Oh, ho!” said Robyn, planting her hands on her hips» [9, с. 362] – “подбочениться, положить руки на бёдра” считается типично женским жестом, равно как и поза “сидеть, сомкнув колени”: “Robyn laughed a little selfconsciously, and pressed her knees more closely together” [9, с. 295].

Робин старается сдерживать свои эмоции, что, скорее, характерно для мужского коммуникативного стиля поведения: «“Yes,” she says, interlocking her hands to stop them from trembling» [9, с. 64]. В другой ситуации Робин очень недовольна поведением своего друга, но маскирует это смехом, правда, её “резкий смех” звучит несколько неестественно: «“You’re not angry or anything, are you?” he asked. “Of course not”. She laughed rather shrilly» [9, с. 262]. Ситуация выходит из-под контроля, когда что-то чрезвычайно задевает Робин. Чувствуется ироническое отношение автора к своей героине, когда она очень эмоционально реагирует на “эксплуатацию женского тела” – студентка Робин, Мэрион, подрабатывает моделью: “She rises and clasps the astonished Marion Russell in her arms” [9, с. 68], или рисует утопическую картину университетов, открытых для всех желающих: “She threw out her arms in an expansive gesture, flushed and excited by her own vision” [9, с. 241].

Робин читает студентам курс лекций по истории английского романа XIX века, так называемого индустриального романа, и одновременно посещает местный завод, где непосредственно сталкивается с миром индустрии и узнает людей столь непохожих на тех, с кем ей приходилось общаться ранее. Ее задевает гендерная асимметрия мира за стенами университета и взгляды Вика как представителя этого мира, но в конце романа им удается понять друг друга. Дэвид Лодж настолько убедительно изображает своих героев, что не возникает ощущения схематичности образов: типичный мужчина, типичная женщина и феминистка. В данном случае гендерные стереотипы, используемые автором, помогают читателю адекватно декодировать художественный текст.

Гендерные стереотипы невербальной коммуникации чрезвычайно устойчивы в нашем сознании, поскольку невербальные компоненты (мимика, жест) являются генетическими признаками человека, и именно на невербальных компонентах строится доверие к получаемой информации. Даже незначительный отход от стереотипов в описании невербального поведения героев несет большую смысловую нагрузку.

В заключение отметим, что приведенные примеры не исчерпывают всех нюансов отражения гендерных стереотипов невербальной коммуникации в тексте, так как исследование проводилось на материале одного романа. Дальнейшие исследования представляются весьма перспективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы // Тр. междунар. конф. «Диалог – 2003». Протвино. 11–16 июня 2003 г. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Krejdlin.htm>
2. Кирилина А. В. Гендер: Лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999.

3. Sex role motor behavior: A behavioral check list / D. H. Barlow, S. C. Hayes, G. O. Nelson et al. // Behavioral assessment. № 1. 1979. P. 119–138.
4. Brody L. R., & Hall J. A. Gender, emotion, and expression // Handbook of emotions. 2-nd ed. New York: Guilford Press, 2000. P. 338–349.
5. Manstead A. S. R. Gender differences in emotion // The gender and psychology reader. New York: New York University Press, 1998. P. 236–264.
6. Баженова И. С. Гендерные аспекты невербальной коммуникации // Летняя школа «Общество и гендер». Рязань, 2003. <http://www.gender-cent.ryazan.ru:8101/school/bazhenova.htm>
7. Hall J. A., Halberstadt A. G. Sex roles and nonverbal communication skills // Sex Roles. 1980. Vol 7, № 3. P. 273–287.
8. Маркова О. Ю. Женщина и общество: проблемы наступившего века // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2003. С. 160–180.
9. Lodge D. Nice Work. London: Penguin Books, 1989. P. 384.
10. Gray J. Men Are From Mars, Women Are From Venus. London: Thorsons, 1993.
11. Горелов И. Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности // Исследования речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 116–150.

M. M. Tonkova

GENDER STEREOTYPES OF NON-VERBAL COMMUNICATION IN LITERARY TEXT

The issues of gender non-verbal communication are reviewed. Gender stereotypes of non-verbal behavior operate in everyday life and are reflected in literature. The research is based on the analysis of literary text. The received data support the idea that non-verbal behavior is dependent upon the gender.

Gender, gender stereotypes, non-verbal communication, feminine behavior, masculine behavior, decoding

УДК 800.92:519.682

А. А. Шумков

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕНТРАЦИИ ВНЕШНЕГО ПРОСТРАНСТВА НА ГЛАВНУЮ ГЛАГОЛЬНУЮ ЕДИНИЦУ

Рассматривается одно из специфических взаимоотношений подлежащего и сказуемого – влияние концентрации внешнего пространства на лицо и число семифинитива главной глагольной единицы, ее тип и тип ее семифинитива. Устанавливается, что при возрастании концентрации внешнего пространства число возможных состояний семифинитива главной глагольной единицы уменьшается, а виртуальные составляющие семифинитива претерпевают некоторые изменения.

Главные члены предложения, семифинитив, причастие, прилагательное

В 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» была высказана так называемая идея двухчастности, согласно которой сказуемое и подлежащее могут быть описаны двухчастными моделями, сводящимися к обобщенной модели членов предложения. Вкратце изложим суть этой идеи. Сказуемое представляет собой семифинитив главной глагольной единицы, зафиксированный во временном уточнителе, немодифицированном или модифицированном. Подлежащее представляет собой семифинитив главной субстантивной единицы, зафиксированный в пространственном уточнителе, немодифицированном или модифицированном. В сказуемом и подлежащем проявляются временной и пространственный элементы соответственно, упорядоченность которых в предложении строго определена. Последним обстоятельством до-

казывается существование между сказуемым и подлежащим специфических взаимоотношений. Более того, обнаруживается, что эти взаимоотношения существуют не только после, но и до проявления временного и пространственного элементов, т. е., фактически, в процессе образования главных членов. В частности, отмечается влияние концентрации внешнего пространства, присущего пространственным уточнителям, на главную глагольную единицу. Это влияние распространяется на лицо и число семифинитива главной глагольной единицы, ее тип и тип ее семифинитива.

Согласно идее двухчастности, различаются слабый, сильный и сверхсильный пространственные уточнители. В слабом пространственном уточнителе внешнее пространство рассеяно, в сильном концентрировано, а в сверхсильном – переконцентрировано. Отмечая влияние концентрации внешнего пространства на лицо и число семифинитива главной глагольной единицы, следует сказать, что при построении подлежащего на слабом пространственном уточнителе сказуемое может строиться на семифинитиве главной глагольной единицы любого лица и любого числа, при построении подлежащего на сильном пространственном уточнителе сказуемое может строиться на семифинитиве главной глагольной единицы третьего лица и любого числа, а при построении подлежащего на сверхсильном пространственном уточнителе сказуемое может строиться на семифинитиве главной глагольной единицы третьего лица и единственного числа. Тем самым, в рамках категории лица и числа рассеянное внешнее пространство допускает шесть возможных состояний семифинитива главной глагольной единицы, концентрированное внешнее пространство допускает два возможных состояния, а переконцентрированное – только одно. Объяснить эти факты нам пока не удалось.

Отмечая влияние концентрации внешнего пространства на тип глагольной единицы и тип ее семифинитива, следует обратить внимание на то, что при построении подлежащего на слабом пространственном уточнителе сказуемое может строиться на любом семифинитиве любого глагола, при построении подлежащего на сильном пространственном уточнителе сказуемое может строиться на любом активном семифинитиве любого глагола, семантически перекликающегося с глаголом «быть» (таких глаголов около сотни) или любом пассивном семифинитиве любого глагола, а при построении подлежащего на сверхсильном пространственном уточнителе сказуемое может строиться на любом активном семифинитиве глагола «быть», расширенного прилагательным. Тем самым, в рамках категорий лексического значения и залога рассеянное внешнее пространство допускает неограниченное число состояний семифинитива главной глагольной единицы, при концентрированном внешнем пространстве допустимое число состояний семифинитива главной глагольной единицы ограничено, а при переконцентрированном внешнем пространстве – еще более ограничено. Объяснить эти факты нам также пока не удалось.

Рассмотрим влияние концентрации внешнего пространства на тип глагольной единицы и тип ее семифинитива более подробно на примере английского языка. Перечислим семифинитивы главных глагольных единиц, используемые для построения сказуемого в условиях рассеянного внешнего пространства:

v
be ving
have II(v)
have been ving
be II(v)
be being II(v)
have been II(v),

где v – любая глагольная единица.

Перечислим семифинитивы главных глагольных единиц, используемые для построения сказуемого в условиях концентрированного внешнего пространства:

v_{be}
have II(v_{be})
be II(v)
be being II(v)
have been II(v),

где v_{be} – глагольная единица, лексическое значение которой переключается с лексическим значением глагола be; v – любая глагольная единица, принимающая пассив.

Перечислим семифинитивы главных глагольных единиц, используемые для построения сказуемого в условиях переконцентрированного внешнего пространства:

be a
have been a,

где a – прилагательное.

Интересно отметить, что при переходе от рассеянного внешнего пространства к переконцентрированному лексическое значение семифинитива главной глагольной единицы перестает быть глагольным и становится адъективным. Концентрированное внешнее пространство помещает лексическое значение главной глагольной единицы между глагольностью и адъективностью, т. е. делает его партиципным. При этом востребуется причастие II, что, вероятно, связано с его грамматической конгруэнтностью прилагательному.

Согласно идее двухчастности, семифинитив состоит из стенки и внутренней полости, причем непреобразованное слово семифинитива глагола распределено в стенке, а преобразованные – во внутренней полости. Тем самым, стенки представлены непреобразованными словами и можно сказать, что при возрастании концентрации внешнего пространства разнообразие стенок семифинитивов главных глагольных единиц сменяется определенным однообразием. В английском языке, как легко видеть, эта смена заключается в следующем:

- в условиях рассеянного внешнего пространства можно обнаружить стенки v, be и have;
- в условиях концентрированного внешнего пространства можно обнаружить стенки v_{be}, be и have;
- в условиях переконцентрированного внешнего пространства можно обнаружить лишь стенки be и have.

Не исключено, что при возрастании концентрации внешнего пространства рельефы стенок семифинитивов главных глаголов сглаживаются, и это приводит к лексической не-

полнозначности непреобразованных слов, в действительности наблюдаемой в случае стенок v_{be} , be и $have$. Не исключено также, что перенос лексического значения в адъективную сферу обусловлен остаточной глагольностью сверхслабого семифинитива инфинитивной или герундиальной субстантивной единицы.

Следует заметить, что влияния концентрации внешнего времени, присущего временным уточнителям, на главную субстантивную единицу не отмечается. Возможно, это связано с разделенностью внешневременной составляющей языковой ткани на два плана – план настоящего и план прошедшего, никогда не выступающих совместно. В терминах неких условных весовых коэффициентов цельная внешнепространственная и, фактически, половинчатая внешневременная составляющие априори не равны друг другу. Внешнепространственная составляющая оказывается весомее внешневременной. Не исключено, что рельефы стенок семифинитивов главных субстантивных единиц при возрастании концентрации внешнего времени не сглаживаются вследствие недостаточного веса внешневременной составляющей.

A. A. Shumkov

AN INFLUENCE OF EXTERNAL SPACE CONCENTRATION ON MAIN VERBAL UNIT

One of specific interrelations between subject and predicate is considered – an influence of external space concentration on person and number of semifinitive of main verbal unit, its type and the type of its semifinitive. The number of possible states of semifinitive of main verbal unit is established to increase when the external space concentration grows, virtual constituents of the semifinitive undergoing certain changes.

Main parts of sentence, semifinitive, participle, adjective

УДК 811.112.2

Б. Н. Яковлев

ИНВЕРСИЯ НЕМЕЦКОГО ТЕРМИНА-КОМПОЗИТА

Впервые на значительном словарном материале рассматриваются инвертированные сложные слова. Исследуются семантические отношения между непосредственно составляющими, влияние опорных компонентов на формирование нового значения. Анализируются структурно-семантические типы инвертированных образований.

Зеркальное отражение, элемент смысловой организации, семантические отношения, частотные терминологические двойки

Языковая инверсия по определению – «изменение обычного порядка слов и словосочетаний, составляющих предложение» [1, с. 233] акцентирует новое значение выделением доминирующего элемента в начальную позицию. Однако свободное манипулирование позициями наблюдается и в фонологии ($Ya!$ – $Ay!$), и в словообразовании (блюдолиз – лизоблюд).

По внешней форме «перевертышей» типа зубоскал – скалозуб трудно судить о семантической модификации одной единицы относительно другой, и все же позиционное противопоставление однородных разнопорядковых структур предполагает внутреннее контекстуальное обеспечение, основу избирательной актуализации нового значения.

Скрытые мотивы подобной комбинаторики обнаружил W. Motch, анализируя в терминах субъектно-объектных отношений обратимые композиты [2, p. 210]:

Bienenhonig – Honigbiene;

Fabrikbrot – Brotfabrik;

Filzhut – Hutfilz.

Привлеченный широкий материал [3]–[5] позволил установить регулярный характер зеркального отражения терминологических единиц (около ста слов), которое наблюдается в следующих цепочках:

– бинарных Aufnahmeleistung – Leistungsaufnahme;

– троичных Ladungsträgerüberschuss – Überschussladungsträger;

– и более развернутых Vervielfacherfotозelle – Fotозellenvervielfacher.

В зависимости от перераспределения семантических связей между компонентами выделяются несколько разновидностей композитной перестройки.

• Простая препозиционная инверсия с изменением функций и значения:

Normalwiderstand – образцовый резистор;

Widerstandnormale – эталон сопротивления;

Frequenzmodulation – частотная модуляция;

Modulationsfrequenz – частота модуляции;

Sicherungsstromkreis – цепь блокировки;

Stromkreissicherung – предохранитель цепи тока;

Verhältnisgleichrichter – детектор отношений;

Gleichrichterverhältnis – коэффициент выпрямления.

• Простая препозиционная инверсия без изменения функций и значения:

Wechselstromrichter, Stromwechselrichter – выпрямитель переменного тока;

Spitzensperrspannung, Sperrspitzenspannung – максимальное обратное сопротивление;

Widerstandskapazitätskopplung, Kapazitätswiderstandskopplung – емкостно-резистивная

связь.

• Двойная инверсия с изменением функций и значения:

Verstärkerbandbreite – ширина полосы (пропускания) усилителя;

Breitbandverstärker – широкополосный усилитель;

Rauschenbandbreite – полоса пропускания (радио) приемника;

Breitbandrauschen – широкополосный шум.

• Простая постпозиционная инверсия с изменением функций и значения:

Fotозellenvervielfacher – фотоэлектронный умножитель (ФЭУ);

Fotovervielfacherzelle – каскад ФЭУ.

В большинстве порядковых преобразований инверсия участвует как необходимый элемент смысловой организации термина, выполняющий по функции и классификационную роль. Показателен здесь последний образец, в котором инверсия может интерпретироваться и как частный случай нанизывающего сложения:

Vervielfacher – умножитель;

Foto + vervielfacher – фотоумножитель;

Vervielfacherfoto + zelle – фотоэлектронный умножитель;
Fotozellen + vervielfacher – ФЭУ;
Foto + vervielfacher + zelle – каскад ФЭУ.

Структурные части и их расположение в триаде имеют и другие особенности. Они зависят от степени долевого участия компонента, следовательно, являются характерным признаком любого композита. Так, сопоставление инвертированных триад выявило на фоне бинарного деления единицы частотные двойки с неизменным порядком составляющих:

Anzeigebildröhre – индикаторная электронно-лучевая трубка;
Skalennmessgerät – шкальный измерительный прибор;
Schaltaugenblick – момент коммутации;
Widerstandsrückkopplung – резистивная обратная связь.

Утрачивая в препозиции некоторые детерминативные свойства, опорные компоненты в силу своей терминологичности (стереотип сцепки) сохраняют смысловой потенциал предсказуемых контекстуальных отношений. Поэтому в группе однорядных инвертированных образований наблюдается не только расширение количества носителей признака определителя, но и обобщение однородных, характеризующихся одним и тем же признаком явлений. В зависимости от интерпретации начального инвертированного компонента возможны различные семантические отношения составляющих:

• Gleichgewichtsstrahlung – равновесное излучение:

1. Процесс, достигнутый в результате действий, названных первым словом.
2. Уровень (степень), которым характеризуется процесс, названный первым словом.
3. Место, характеризующееся действием, указанным в первой части.

• Gleichgewichtsbrücke – уравновешенный мост:

1. Состояние, достигнутое в результате действий, указанных первым словом.
2. Предмет, предназначенный для осуществления действия, указанного первым словом, и место осуществления действия.

Таким образом, расширение материальной базы исследования инвертированных композитов позволяет утверждать, что с изменением структуры сложных терминов преобразуется и их значение, так как «перевертыши», даже при сходстве на денотативном уровне, акцентируют разные аспекты значения, «топикализируют» разные части семантических структур сходного или даже одинакового набора значений [6, с. 73].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зенкевич Е. С. Словарь иностранных слов. М.: АСТ, 2003.
2. Motch W. Analyse von Komposita mit zwei nominalen Elementen. Progress in Linguistics. The Hague. Mouton, 1970.
3. Гинзбург М. Л., Горохов П. К., Гейлер Л. Б. Немецко-русский электротехнический словарь. М.: Сов. энцикл., 1973.
4. Янкельсон И. С., Мимиров Л. М., Шеров-Игнатъев Г. П. Немецко-русский словарь по радиоэлектронике. М.: Рус. яз., 1990.
5. Мухов Х. Русско-немецкий словарь по полупроводниковым приборам и микроэлектронике. Берлин–Москва: Техника. Рус. яз., 1975.
6. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

B. N. Yakovlev

INVERSION OF THE GERMAN TERM-COMPOSITE

Inversion of the German term-composite is considered for the first time using extensive lexical material. The semantic relations between direct components and influence of reference components on new meaning formation are discussed. The semantic structural types of the invert composites are analyzed.

Mirror reflection, element of sense organization, semantic relations, frequency terminology pairs